

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ISSN 2949-1134

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

sgjournal.ru

№ 1 (8) / 2023

ISSN 2949-1134

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 1 (8)

Вологда 2023

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Дата выхода в свет: 31.03.2023

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2023

ISSN 2949-1134

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 1 (8)

Vologda 2023

Founded in July 2021

Issued four times a year

Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia”

Editor-in-Chief:

Evgenii L. Kharkovsii

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.
Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right
to abridge and edit the manuscripts submitted

Date of publication: March 31, 2023

The journal is available online and provides open
and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70

E-mail : sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Registration certificate No. FS77-81296 of June 9, 2021

© VIPE FSIN Russia, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Харьковский Е. Л.** – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);
- Зауторова Э. В.** – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);
- Ласточкин А. Н.** – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь);
- Агафонова О. В.** – начальник кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;
- Баламут А. Н.** – ведущий научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;
- Барышева А. В.** – старший преподаватель кафедры общей психологии психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;
- Белова Н. А.** – доцент кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;
- Вахнина В. В.** – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук, профессор;
- Ганишина И. С.** – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;
- Голдин В. И.** – профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор;
- Горностаев С. В.** – профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;
- Гущина Т. Н.** – профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор;
- Егоров А. Н.** – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;
- Желтов А. А.** – доцент кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, полковник внутренней службы;
- Касаткина С. С.** – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;
- Кириллова Т. В.** – главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;
- Кузьминых А. Л.** – профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;
- Лобанова Е. С.** – начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;
- Макулин А. В.** – директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, доцент;
- Малышев К. Б.** – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;
- Масягин В. П.** – доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор;
- Оботурова Н. С.** – профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;
- Павлушков А. Р.** – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;
- Панова О. Б.** – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;
- Поздняков В. М.** – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;
- Раитина М. Ю.** – доцент кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, доктор философских наук, доцент;
- Ракитская О. Н.** – начальник кафедры общей психологии психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;
- Саблин В. А.** – заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;
- Севальников А. Ю.** – главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук;
- Соболев Н. Г.** – старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;
- Соколова Т. Л.** – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;
- Стуканов В. Г.** – заведующий лабораторией проблем воспитания личности Национального института образования Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;
- Токомбаева А. Т.** – профессор кафедры криминалистики, специальной техники и психологии Академии МВД имени Э. Алиева Киргизской Республики, кандидат психологических наук, доцент;
- Тяпин И. Н.** – профессор кафедры философии Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;
- Шевченко О. К.** – доцент кафедры истории и философии Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В.Г. Вернадского в г. Ялта, доктор философских наук, доцент;
- Ястреб Н. А.** – директор Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;
- Ященко Е. Ф.** – заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, доктор психологических наук, профессор.

EDITORIAL BOARD:

- Evgenii L. Kharkovskii** – Head of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);
- Elvira V. Zautorova** – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);
- Aleksandr N. Lastochkin** – Senior Researcher at the Research Laboratory of the Organizational and Research Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor (Executive Secretary);
- Ol'ga V. Agafonova** – Head of the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
- Aleksandr N. Balamut** – Leading Researcher at the Department of Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;
- Anna V. Barysheva** – Senior Lecturer at the Department of General Psychology of the Psychological Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy);
- Nadezhda A. Belova** – associate professor of the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;
- Viktoriya V. Vakhnina** – professor at the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;
- Irina S. Ganishina** – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;
- Vladislav I. Goldin** – professor at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Sciences (History), Professor;
- Stanislav V. Gornostaev** – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;
- Tat'yana N. Gushchina** – professor at the Department of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;
- Andrei N. Egorov** – Head of the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;
- Andrei A. Zheltov** – associate professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;
- Svetlana S. Kasatkina** – professor at the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
- Tat'yana V. Kirillova** – Chief Researcher at the Department of Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;
- Aleksandr L. Kuzminykh** – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;
- Elena S. Lobanova** – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;
- Artem V. Makulin** – Director of the Higher School of Social Sciences and Humanities and International Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
- Konstantin B. Malyshev** – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;
- Vladimir P. Masyagin** – associate professor at the Department of Military-Political Work in the Military (Forces) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;
- Natal'ya S. Oboturova** – professor at the Department of Philosophy and History of the Psychology Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
- Aleksandr R. Pavlushkov** – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;
- Oksana B. Panova** – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;
- Vyacheslav M. Pozdnyakov** – professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;
- Margarita Yu. Raitina** – Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Associate Professor;
- Oksana N. Rakitskaya** – Head of the Department of General Psychology of the Psychological Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;
- Vasilii A. Sablin** – Head of the Department of General History and World Politics of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;
- Andrei Yu. Seval'nikov** – Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philosophy);
- Nikolai G. Sobolev** – Senior Researcher at the Department of Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;
- Tat'yana L. Sokolova** – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;
- Vitalii G. Stukanov** – Head of the Laboratory for Personality Education of the National Institute of Education of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;
- Aisulu T. Tokombaeva** – professor at the Department of Criminalistics, Special Technique and Psychology of Ergesh Aliyev Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor.
- Igor N. Tyapin** – professor at the Department of Philosophy of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
- Oleg K. Shevchenko** – associate professor at the Department of History and Philosophy of the Institute of Pedagogy, Psychology and Inclusive Education of the Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
- Natalia A. Yastreb** – Director of the Institute of Social Sciences and Humanities of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
- Elena F. Yaschenko** – Head of the Department of Applied Psychology of Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРОВА Е. А. Роль междисциплинарного подхода в процессе подготовки к ЕГЭ по иностранному языку	7
ГУЗАКОВА О. Л., ИВАСЮК О. А. Социальное партнерство как фактор повышения эффективности воспитательной работы в общеобразовательных организациях	13
КИРИЛОВСКАЯ Н. Н. Некоторые методические аспекты преподавания международного права в ведомственной образовательной организации (на примере Вологодского института права и экономики ФСИН России)	20
КОВАЛЕВ О. Г. Особенности профессиональной мотивации сотрудников оперативных подразделений ФСИН России	26
СПЕРАНСКАЯ А. В. Характеристика жизнестойкости у сотрудников отдела охраны исправительного учреждения	31
СОБОЛЕВ Н. Г. К вопросу о стратегиях поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в конфликтных ситуациях	38
БАЕВ О. В. К вопросу о финансировании заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.	44
ЛЕМЕХОВА Т. Л. Строительство учреждений пенитенциарной системы Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв.	49
ЛИТВИНОВ В. П. Политико-правовые задачи управления Российской империи в Средней Азии: административно-правовая практика включения Младшего и Среднего жуза в сферу имперской внутренней политики	61
ПОКАСОВ В. Ф., АНУПРИЕНКО И. А., ГОНЧАРОВ А. С. О работе с методами интраистории при изучении заархивированных художественно- изобразительных источников	69
ШУМАРОВ А. П., БУХАРОВА А. Е. К вопросу о соотношении сознания и бессознательного в рамках психоаналитической парадигмы	74
ОБОТУРОВА Н. С. Проблема духовной безопасности современного общества.	80

CONTENT

PEROVA E.A. The Role of an Interdisciplinary Approach to the Preparation for the Unified State Exam in a Foreign Language	7
GUZAKOVA O.L., IVASYUK O.A. Social Partnership as a Factor of Boosting Effectiveness of Educational Work in General Education Organizations	13
KIRILOVSKAYA N.N. Some Methodological Aspects of Teaching International Law in a Departmental Educational Organization (Case Study of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia)	20
KOVALEV O.G. Characterizing Professional Motivation of Employees of Operational Units of the Federal Penitentiary Service of Russia	26
SPERANSKAYA A.V. Characteristics of Resilience of Security Department Employees in a Correctional Facility	31
SOBOLEV N.G. Considering Behavior Strategies Applied by Russian Penal System Employees in Conflict Situations	38
BAEV O.V. On the Issue of Financing Foreign Campaigns of the Russian Army in 1813–1814	44
LEMEKHOVA T.L. Construction of Penitentiary Institutions in the Vologda Province in the Late 19th and Early 20th Centuries	49
LITVINOV V.P. Political and Legal Tasks of the Administration of the Russian Empire in Central Asia: Administrative and Legal Practice of Including Junior and Middle Zhuz in the Sphere of Imperial Domestic Policy	61
POKASOV V.F., ANUPRIENKO I. A., GONCHAROV A.S. On Working with Intrahistory Methods in the Study of Archived Artistic and Visual Sources	69
SHUMAROV A.P., BUKHAROVA A.E. On the Issue of Consciousness–the Unconscious Relationship under the Psychoanalytic Paradigm	74
OBOTUROVA N. S. The Problem of Spiritual Security of Modern Society	80

Научная статья

УДК 372.881.111.1

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.001

Роль междисциплинарного подхода в процессе подготовки к ЕГЭ по иностранному языку

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ПЕРОВА

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия, alenaaperova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются способы интеграции междисциплинарных связей в процессе разработки учебно-методических материалов для подготовки к единому государственному экзамену по иностранному языку. Предметно-ориентированное обучение иностранному языку выступает концептуальной основой ряда смежных методик, среди которых выделяется английский язык для специальных целей. Если опираться на контекстуально обусловленные коммуникативные стратегии, то критериями отбора учебных материалов для подготовки к ЕГЭ должны стать диверсификация интерактивных форм деятельности, последовательность и преемственность предметно-ориентированного и междисциплинарного содержания, приемлемость приемов достижения жанрово-стилистических коммуникативных целей. В качестве примера, иллюстрирующего рассматриваемый подход, приводятся материалы, разработанные автором.

Ключевые слова: единый государственный экзамен; предметно-ориентированное обучение; английский для специальных целей; интерактивные методы; межпредметные связи.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки).

Для цитирования: Перова Е. А. Роль междисциплинарного подхода в процессе подготовки к ЕГЭ по иностранному языку // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 7–12. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.001.

Original article

The Role of an Interdisciplinary Approach to the Preparation for the Unified State Exam in a Foreign Language

ELENA A. PEROVA

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia,
alenaaperova@gmail.com

Abstract. The article discusses ways to integrate interdisciplinary connections in the process of developing educational and methodological materials to prepare for the Unified State Exam in a foreign language. Subject-oriented teaching of a foreign language is the conceptual basis of a number of related techniques, among which their developers single out English for special purposes. When considering contextually determined communicative strategies, then the criteria for selecting educational materials for preparing for the Unified State Exam should be the following: diversification of interactive forms of activity, consistency and continuity of subject-oriented and interdisciplinary content, acceptability of techniques for achieving genre-stylistic communicative goals. The materials worked out by the author illustrate the approach under consideration.

Key words: unified state exam; subject-oriented learning; English for special purposes; interactive methods; interdisciplinary communication.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (Foreign languages).

For citation: Perova E.A. The role of an interdisciplinary approach to the preparation for the Unified State Exam in a foreign language. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 7–12. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.001.

Успешность сдачи любого экзамена, государственного или международного, во многом зависит от эффективности учебно-методических материалов, релевантности педагогических инструментов в качестве совокупности подходов, методов, технологий и приемов работы с обучающимися, имеющими разный уровень сформированности целевых знаний, умений и навыков. Очевидно, что перед современными педагогами стоит сложная задача поиска, отбора и адаптации наиболее продуктивных образовательных инструментов решения максимального количества дидактических задач в минимальные сроки подготовки к важнейшему централизованно проводимому единому государственному экзамену (ЕГЭ).

В число обязательных для сдачи предметов (русский язык и математика) к 2022 г. планировалось включить и английский язык. Однако 4 января 2021 г. в силу вступил приказ Минпросвещения России, согласно которому иностранный язык не стал обязательным предметом ЕГЭ. В соответствии с официальным заявлением Росособнадзора отказ от идеи был связан с неравенством обучения российских школьников, так как в больших городах обучающиеся располагают лучшими ресурсами и возможностями для овладения иностранным языком и его практического применения, нежели в сельской местности [1]. В данном контексте иностранный язык оказался предметом острого обсуждения вопроса эгалитарности российского образования.

Невзирая на тот факт, что ЕГЭ по иностранному языку не стал обязательным, его сдача открывает доступ к огромному количеству специальностей для поступления: «Агрономия», «Ветеринария», «Психология», «Ландшафтная архитектура», «Менеджмент», «Нефтегазовое дело», «Прикладная математика», «Строительство», «Экономика», «Бизнес-информатика», «Гостиничное дело», «Туризм», «Реклама и связи с общественностью», «Государственное и муниципальное управление», «Юриспруденция», «История», «Международные отношения», «Политология», «Социология», «Философия» и др. Востребованность и актуальность иностранного языка подтверждается указанным разнообразием технических и социально-гуманитарных направлений и специальностей, поэтому перед современными лингводидактами, преподавателями системы среднего общего образования, высшей школы, методистами стоит задача правильно выстроить стратегию подготовки к ЕГЭ по английскому языку.

На наш взгляд, для определения эффективной педагогической траектории требуется принять во внимание междисциплинарную и метапредметную природу иностранного языка как учебного предмета. И. А. Зимняя применяла в отношении иностранного языка термин «беспредметность», так как, выступая средством общения, он получает предметно-содержательное наполнение посредством привнесенных извне тематик и коммуникативных ситуаций [2, с. 135]. Иницилируя вопрос поиска оптимальных лингводидактических инструментов для подготовки к сдаче ЕГЭ по английскому языку, мы акцентируем внимание на принципиальной важности продуктивной интеграции различных аутентичных и академических материалов из различных областей знания, отвечающих критериям метапредметного, междисциплинарного взаимодействия и преемственности в развитии навыков устной и письменной иноязычной коммуникации.

В свете данного вопроса мы совершенно обоснованно обращаемся к предметно-ориентированному обучению иностранному языку (от англ. Content and Language Integrated Learning – CLIL), получившему популярность в конце 90-х гг. XX в. Основной миссией CLIL является оптимальная адаптация содержания и языковой подготовки, а овладение языком носит подчиненный характер и осуществляется в процессе критического осмысления содержания, интенсивного применения интерактивных приемов работы [3, с. 120]. Методология CLIL способствует развитию навыков аутентичной и спонтанной коммуникации в предметно-ориентированных контекстах и ситуациях; применению ранее накопленного внеаудиторного опыта и знаний в дидактически обусловленных коммуникативных ситуациях; полифонии применяемых интерактивных методов и форм взаимодействия; положительному влиянию внешних психологически комфортных коммуникативных стимулов на внутреннюю мотивацию.

Мы полагаем, что язык для специальных целей (от англ. Language for Specific Purposes – LSP) как смежная с междисциплинарным подходом методика может стать концептуальной лингводидактической основой разработки учебно-методических материалов для подготовки к ЕГЭ по английскому языку, поскольку успешность сдачи зависит от уровня владения эффективными контекстуально обусловленными коммуникативными стратегиями, что, в свою очередь, является ведущей дидактической задачей LSP [4, с. 680].

Вслед за К. Уоллес мы считаем, что базовыми критериями отбора учебных ресурсов для подготовки к сдаче ЕГЭ на основе междисциплинарного подхода должны стать: адекватность (соответствие уровню иноязычной компетенции и возрасту); мотивация (наличие мотивирующего контента); последовательность и преемственность (содержательная взаимообусловленность ранее освоенных и вновь приобретаемых знаний и опыта); диверсификация форм и видов учебной деятельности: чтение, аудирование, лексико-грамматическая практика, устная и письменная коммуникация [5, с. 73]; приемлемость (учет жанрово-стилистических особенностей при решении коммуникативной задачи и организации текста, владение релевантными фразами-клише, средствами логической связи, нормами вежливости, применение адекватных уровню сложности приемов эффективной коммуникации посредством лексико-грамматических средств).

С учетом изложенных критериев и принимая во внимание элементы содержания, представленные в кодификаторе проверяемых требований к результатам освоения основной образовательной программы среднего общего образования для проведения единого государственного экзамена по английскому языку 2023 г., мы разработали учебно-методическое пособие «ЕГЭ: Лексика. Говорение». Преимущественно оно нацелено на обогащение предметно-ориентированного словарного запаса и последующее практическое применение последнего в процессе выполнения экзаменационных заданий в разделах «Письменная часть: лексика» и «Устная часть: говорение» уровней В1 и В2.

Учебное пособие включает в себя шесть тематически организованных уроков: «Jobs», «Health and Fitness», «Hobbies and Entertainment», «Weather and Environment», «Science and Technology», «Art and Culture». В каждом из них внимание уделяется рубрикам Vocabulary, Word Formation Basics, Topical Idioms, Words Easily Confused, Reading, Listening, Speaking. Издание содержит актуальную идиоматическую лексику, теоретический и практический разделы по темам: «Словообразование (аффиксация)», «Многозначность лексических единиц», «Синонимы», «Лексическая сочетаемость».

Представленные лексические тренажеры и задания в формате ЕГЭ направлены на овладение эффективными стратегиями ведения устной иноязычной коммуникации в предметно-ориентированных ситуациях монологического и диалогического характера, включающих условный диалог-расспрос, диалог-интервью и монолог. Каждый раздел предполагает введение тематического лексического материала с объяснением значения слова и особенностей его употребления в речи, содержит речевые образцы и словообразование. Предметно-ориентированные тексты для чтения и аудирования нацелены на развитие навыков употребления фразовых глаголов, устойчивых словосочетаний и обеспечивают отработку и закрепление тематической лексики урока [6, с. 4].

Наглядно продемонстрируем интеграцию предметно-ориентированного лингвистического содержания в структуру занятия по теме «Health and Fitness» [6, с. 24]. Урок начинается с введения теории по словообразованию. Представим некоторые типичные суффиксы и префиксы (приставки) для образования существительных, обозначающих болезни, мании или обсессии (suffixes and prefixes for nouns that describe illnesses, diseases, and obsessions), например *noun + - itis: appendicitis, arthritis, bronchitis, dermatitis, hepatitis, meningitis, tonsillitis; noun + - mania: egomania, kleptomania, megalomania и др.* Далее следует задание для проверки лексико-грамматических навыков, в котором требуется образовать от представленной лексической единицы однокоренное слово так, чтобы оно семантически соответствовало содержанию текста.

После мы предлагаем задание для развития навыков аудирования на основе аудиовизуального материала – документального журналистского фильма, представленного на YouTube-канале The Guardian, «Before I die: a day with terminally ill patients» («Прежде чем я умру: один день со смертельно больными пациентами») [7]. Данное видео содержит как ценный профильно ориентированный терминологический глоссарий, так и межпредметную лексику: *chemo* – химиотерапия; *chest compressions* – непрямой массаж сердца; *come to terms with* – принять условия, свыкнуться; *devastate* – опустошать, подавлять, угнетать; *incurable* – неизлечимый; *mortality* – летальность, смертность; *terminally ill patient* – неизлечимо больной пациент; *tumour* – опухоль. После просмотра следует обсуждение следующих вопросов:

1. *What do you think about the statement «No matter where you are in the process of dying, you're still living» (Выразите Ваше мнение касательно высказывания: «Главное не сколько Вам осталось времени жить, а то, что Вы все еще живы.»).*

2. *What do you think about the Dr Puri's saying «Without mortality I don't know what humanity would be» (Прокомментируйте высказывание доктора Пури: «Если бы люди не умирали, я не представляю, каким было бы человечество») [6, с. 29].*

Далее следует чтение текста «The right to know» («Право знать») о женщине, которая узнала, что ее мужу осталось жить ровно один год. Он, зная о своем скором уходе из жизни, помогал жене и двоим детям подготовиться к похоронам и оказывал им поддержку, невзирая на скорую неминуемую кончину. После прочтения предлагается обсудить следующие вопросы:

1. *If one of your family members had a terminal disease, would you tell him or her the truth? (Если бы кто-то из Ваших родных был смертельно болен, Вы бы сказали ему правду?).*

2. *If you had just six months to live, what would you do? (Если бы Вам оставалось жить шесть месяцев, чтобы Вы сделали?)* [6, с. 30].

Для овладения предметно-ориентированной лексикой, необходимой для выполнения заданий устной части экзамена, приводится список словосочетаний и слов по теме «Здоровье» и ставится задача определить их семантическую коннотацию – положительную или отрицательную:

Look at the words / phrases in the box: walking; junk food; fizzy drinks; working with computers; lots of sleep; fresh fruit / vegetables; stress / worrying; city life; alcohol; missing breakfast; smoking; vitamins; exercise; caffeine; oily fish; frozen food; fatty foods. Are these things good (+) or bad (-) for your health? Work in pairs and take turns [3, с. 31].

Данное задание позволяет овладеть предметной лексикой для последующего применения в рамках аналогичного задания из устной части ЕГЭ по английскому языку – условного диалога-интервью на актуальную тему:

A: What do you do to keep fit and healthy?

B: I get lots of sleep. How about you?

A: I cycle to work every day.

B: Do you do anything which is unhealthy?

A: Well, I probably eat too much junk food [3, с. 32].

Затем предлагается заполнить пропуски A–G в статье «An alternative approach to fighting stress» («Альтернативный подход для борьбы со стрессом») частями предложений, обозначенными цифрами 1–7 [6, с. 33–35]. Далее следует работа с лексемами, которые вызывают затруднения в силу специфики семантической дифференциации, например: *illness, disease, infection, sickness, weakness, accident, incident* [6, с. 36–37]. После ставится задача применить в контексте идиоматические высказывания по теме «Здоровье»:

At death's door – so ill that you may die (при смерти, одной ногой в могиле). Fill the gaps with the correct idiom. How stupid of me to trouble her with my petty problems when she's probably at _____! [6, с. 37–38].

В этот момент происходит переход к заданиям устной части экзамена – условный диалог-расспрос на основе рекламного объявления:

You are considering visiting the fitness club and you'd like to get more information. In 1.5 minutes you are to ask four direct questions to find out the following: 1) membership card, 2) personal trainings, 3) working hours, 4) if they have muscle gain programs [6, с. 38–39].

Также предлагается подготовить монологи по темам «Leisure Activities» («Проведение досуга»), «Keeping fit» («Поддержание физической формы»), «Healthy food» («Здоровое питание»), в которых требуется обосновать релевантность применения двух фотографий в качестве иллюстрации активного времяпрепровождения на природе и пассивного домашнего отдыха, сбалансированной диеты и высококалорийного питания. Задача состоит в том, чтобы записать голосовое сообщение другу, представив две фотографии в рамках проектной работы [6, с. 41–43].

Таким образом, в процессе подготовки к ЕГЭ по английскому языку важно уделить особое внимание спонтанной речи, необходимо продуцировать коммуникативные ситуации на основе применения предметно-ориентированной и междисциплинарной лексики, адекватных жанрово-стилистических приемов устной и письменной коммуникации с использованием перечня релевантных вербальных опор: фраз-клише, соответствующих нормам вежливости и этикета, речевых оборотов приветствия, запроса информации, прощания, гибкого реагирования на изменение темы или условий общения. Рекомендуется делать аудиозапись ответов обучающихся, а затем обсуждать их достоинства и недостатки, выявлять имеющиеся трудности и определять пути совершенствования. На наш взгляд, слож-

ная задача формирования умений устной речи у сдающих ЕГЭ по английскому языку может быть решена с помощью организационно-педагогического комплекса контекстуально обусловленных интерактивных методов, технологий и коммуникативных приемов, соответствующих заявленному предметно-тематическому содержанию в качестве результата освоения программы среднего общего образования по дисциплине «Иностранный язык (английский)».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минпросвещения отказалось вводить обязательный ЕГЭ по иностранному языку. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ff262e09a7947e74edf13f8> (дата обращения: 08.01.2023).
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М., 2010. 448 с.
3. Richards J. C., Rodgers T. S. *Approaches and Methods in Language Teaching*. New York, 2001. 303 p.
4. Basturkmen H., Edler C. The practice of LSP // *The Handbook of Applied Linguistics*. Oxford, 2004. Pp. 672–694.
5. Wallace C. *Language Teaching: A Scheme for Teacher Education*. Oxford, 1992. 172 p.
6. Перова Е. А., Щербинина О. В. ЕГЭ: Лексика. Говорение : учеб. пособие. Ставрополь, 2022. 128 с.
7. Before I die: a day with terminally ill patients | Death Land #2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aZdDXNmD9wk> (дата обращения: 11.10.2022).

REFERENCES

1. *Minprosveshcheniya otkazalos' vvodit' obyazatel'nyi EGE po inostrannomu yazyku* [The Ministry of Education refused to introduce a mandatory USE in a foreign language]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ff262e09a7947e74edf13f8> (accessed January 8, 2023).
2. Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow, 2010. 448 p.
3. Richards J.C., Rodgers T.S. *Approaches and methods in language teaching*. New York, 2001. 303 p.
4. Basturkmen H., Edler C. The practice of LSP. In: *The Handbook of Applied Linguistics*. Oxford, 2004. Pp. 672–694.
5. Wallace C. *Language teaching: a scheme for teacher education*. Oxford, 1992. 172 p.
6. Perova E.A., Shcherbinina O.V. EGE: *Leksika. Govorenje: ucheb. posobie* [Vocabulary. Speaking: teaching aid]. Stavropol, 2022. 128 p.
7. Before I die: a day with terminally ill patients. *Death Land*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=aZdDXNmD9wk> (accessed October 11, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ПЕРОВА – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики лингвистического образования и межкультурной коммуникации педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института, Ставрополь, Россия, alenaaperova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ELENA A. PEROVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Lecturer at the Department of the Theory and Methodology of Linguistic Education and Intercultural Communication of the Pedagogical Faculty of the Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, alenaaperova@gmail.com

Статья поступила 30.01.2023

Научная статья

УДК 371

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.002

Социальное партнерство как фактор повышения эффективности воспитательной работы в общеобразовательных организациях

ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА ГУЗАКОВА

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,
olguzakova@mail.ru

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА ИВАСЮК

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,
olika.larionova@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован процесс формирования программы воспитания в общеобразовательной организации, показаны перспективы развития социального партнерства школ и учреждений культуры, спорта и дополнительного образования, в том числе рассмотрена организация сетевого взаимодействия; приведены примеры потенциальных партнеров общеобразовательных учреждений для взаимодействия по различным направлениям воспитательной работы.

Ключевые слова: воспитание; воспитательная работа; социальное партнерство; социальные партнеры; общеобразовательное учреждение.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Гузакова О. Л., Ивасюк О. А. Социальное партнерство как фактор повышения эффективности воспитательной работы в общеобразовательных организациях // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 13–19. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.002.

Original article

Social Partnership as a Factor of Boosting Effectiveness of Educational Work in General Education Organizations

OL'GA L. GUZAKOVA

Vologda State University, Vologda, Russia, olguzakova@mail.ru

OL'GA A. IVASYUK

Vologda State University, Vologda, Russia, olika.larionova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the process of forming an education program in a general education organization, shows prospects for the development of social partnership between schools and institutions of culture, sports and additional education, including organization of network interaction, as well as presents examples of potential partners of general education institutions for interaction in various areas of educational work.

Keywords: education; educational work; social partnership; social partners; educational institution.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Guzakova O.L., Ivasyuk O.A. Social partnership as a factor of boosting effectiveness of educational work in general education organizations. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 13–19. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.002.

Воспитательная деятельность является неотъемлемой частью процесса образования. В настоящее время государство ориентирует систему образования на усиление воспитательной функции, связанной с формированием патриотизма, гражданской ответственности, нравственности, инициативы у обучающихся, которые должны стать достойными гражданами своей страны. Эта работа требует системного подхода и должна быть организована на всех уровнях общего и профессионального образования.

Воспитание развивается вместе с социумом. Оно является общественно-историческим процессом: с одной стороны, социальные изменения приводят к смене целей и форм воспитания, с другой – результаты воспитательной деятельности оказывают значительное влияние на взгляды и поведение новых поколений, развитие общества в целом [1]. Еще в середине XIX в. К. Д. Ушинский писал: «Воспитательная деятельность, без сомнения, принадлежит к области разумной и сознательной деятельности человека, само понятие воспитания есть создание истории, в природе его нет» [2].

Вопросам воспитания уделяют внимание разные ученые, чьи исследования имеют большое значение для совершенствования управления воспитательной работой в образовательных учреждениях: В. А. Слостенин, Т. И. Шамова, О. Г. Ерофеева, Н. В. Соловова, Н. Б. Стрекалова, В. А. Караковский и др.

Управление процессом воспитания базируется на теории управления как деятельности руководителей учреждений образования, направленной на обеспечение функционирования различных подсистем воспитательной системы [3; 4]. Ряд работ посвящен исследованию проблем управления социальными и образовательными процессами [5; 6], изучению ресурсов управления развитием воспитания в современной образовательной организации [7].

Образование всегда отражает социально-политическую жизнь страны. Значимость проведения воспитательной работы в образовательных организациях подтверждается введением в 2020 г. в федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ст. 12.1 «Общие требования к организации воспитания обучающихся», которая закрепила необходимость включения в основную образовательную программу рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы [8].

Воспитательная работа в школе – это целостная, структурная, управляемая и целенаправленная, лично ориентированная, вариативно-модельная, социокультурная воспитательная система, выполняющая функции интеграции, регулирования и развития. По мнению О. Г. Ерофеевой, организация воспитательной работы в образовательной органи-

зации выстраивается с учетом типа школы, ее ресурсной обеспеченности, состава обучающихся и педагогов, социокультурного заказа [5].

Воспитательная работа в общеобразовательном учреждении осуществляется на основе разработанной программы воспитания. Развитие воспитательной системы школы включает в себя определенные этапы:

1) организационно-педагогический (начало работы, формирование коллектива единомышленников);

2) разработка структуры, содержания, форм и методов (развитие традиций, создание социально-психологической службы, определение ресурсов, требующихся для осуществления различных направлений воспитательной работы);

3) итоговое оформление (объединение педагогов и учащихся в единую команду, ученическое самоуправление);

4) устойчивость (рост потребностей участников образовательных отношений);

5) кризис, обновление и перестройка (обновление педагогической концепции) [9].

Эффективность воспитательной системы общеобразовательного учреждения зависит от соблюдения ряда условий: целенаправленности процесса воспитания; наличия квалифицированных управленческих и педагогических кадров; согласованности действий всех участников образовательного процесса; использования в практической деятельности результатов научных исследований.

Сегодня общество повернулось в сторону сотрудничества и взаимодействия, объединения усилий разных организаций. В воспитательной работе общеобразовательные учреждения в основном опираются на свои внутренние ресурсы: кадровые, информационные, материальные, службу социально-психологического сопровождения, совет старшеклассников, родительский комитет, методическое объединение классных руководителей. При этом социальное сотрудничество носит эпизодический, несистемный характер.

В то же время для результативной воспитательной работы в общеобразовательных организациях следует разработать комплексную программу по включению школ в социальное партнерство.

Под социальным партнерством в образовании мы понимаем систему взаимоотношений образовательных учреждений с другими учреждениями и организациями, в том числе общественными, государственными и местными органами власти, основанную на равноправном сотрудничестве участников с целью согласования их интересов.

Для эффективного управления процессом социального партнерства необходимо учитывать последовательность шагов по разработке и реализации соответствующей программы.

На подготовительном этапе ставятся цели, которые должны быть достигнуты в результате партнерства, и планируются основные результаты, определяются учреждения, с которыми желательно наладить партнерские связи, в соответствии с направлениями программы воспитания. При этом необходимо продумать, что администрация школы может предложить потенциальным партнерам, чтобы обеспечить их заинтересованность в долгосрочном сотрудничестве. На организационном этапе планируются совместные действия школы и социальных партнеров, оформляются соглашения о сотрудничестве. На третьем, системообразующем, этапе происходит постоянное взаимодействие с партнерами на основе заключенных договоров [10], осуществляются реализация совместных проектов, анализ результативности сотрудничества, определение перспектив дальнейшей совместной деятельности и т. д. [11]. В рамках социального партнерства целесообразна реализация сетевого взаимодействия школы с учреждениями культуры, спорта, дополнительного об-

разования детей. Это позволит эффективнее использовать имеющиеся ресурсы и повысить результативность воспитательной работы.

Организация социального партнерства должна учитывать принципы добровольности, равноправия сторон, взаимной заинтересованности в проведении мероприятий, совместной ответственности за результат.

В рамках социального партнерства в области воспитательной работы школа и социальный партнер создают обоюдовыгодные условия, что становится основой продолжительных партнерских отношений [12].

Реализация социального партнерства позволит сделать школы более открытыми, будет способствовать формированию активной жизненной позиции учащихся и их успешной социализации, обеспечению непрерывности образования, осуществлению совместной коллективной деятельности, сотрудничеству различных учреждений на взаимовыгодных условиях, построению системы адресной помощи. Данное взаимодействие должно основываться на единых целях и ценностных установках, предполагать совместное решение конкретных существующих проблем посредством объединения усилий для достижения значимой для всех цели.

Социальное партнерство может быть реализовано по всем направлениям воспитательной деятельности, закрепленным в федеральных государственных образовательных стандартах начального, основного и среднего общего образования [13; 14; 15]. Социальное сотрудничество и партнерство общеобразовательных учреждений в сфере воспитательной работы можно реализовать через сеть муниципальных учреждений культуры, спорта и дополнительного образования детей. Примеры взаимодействия школы с различными учреждениями по всем направлениям воспитательной работы приведены в таблице.

Таблица

*Потенциальные социальные партнеры общеобразовательных учреждений
в сфере воспитания обучающихся*

№	Направления воспитательной деятельности	Социальные партнеры общеобразовательных учреждений
1	Гражданское воспитание	– Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации; – подростковые клубы; – центры развития школьного самоуправления и др.
2	Патриотическое воспитание	– военно-патриотические организации; – советы ветеранов; – музеи и др.
3	Духовно-нравственное воспитание	– центры помощи семье и детям; – детские организации дополнительного образования; – библиотеки и др.
4	Эстетическое воспитание	– художественные и музыкальные школы; – театры; – музеи; – дома творчества; – дома культуры и др.
5	Физическое воспитание, формирование культуры здоровья и эмоционального благополучия	– спортивные центры и клубы; – спортивные школы и др.
6	Трудовое воспитание	– центр занятости населения; – центр занятости молодежи и др.
7	Экологическое воспитание	– центр экологических инициатив; – организации дополнительного образования детей и др.
8	Ценность научного познания	– библиотеки; – образовательные центры; – организации дополнительного образования детей; – детский технопарк «Кванториум» и др.

Для успешной реализации социального партнерства и сотрудничества важными факторами являются готовность образовательных учреждений к взаимодействию, инициатива, открытость, обмен идеями, развитие благотворительности, профессионализм, информационное обеспечение и саморазвитие.

Целесообразно организовывать взаимодействие с партнерами согласно заданным модулям программы воспитания общеобразовательных учреждений, что позволит развивать существующую программу, а не создавать новую.

Перспективным вариантом социального сотрудничества является партнерство в рамках определенного проекта, направленного на решение конкретных задач. Проектное социальное сотрудничество позволит общеобразовательному учреждению участвовать в социально важных муниципальных, региональных и национальных проектах, разрабатывать свои проекты, повысить свой имидж, создать условия для развития ресурсной базы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маленкова Л. И. Торжество воспитания: возможно ли оно? // Народное образование. 2011. № 5. С. 217–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvo-vospitaniya-vozmozhno-li-ono/> (дата обращения: 11.03.2023).
2. Ушинский К. Д. О пользе педагогической литературы. URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_o_polze.html/ (дата обращения: 11.03.2023).
3. Ариарский М. А. Теория социально-культурной деятельности отвечает на вызовы времени // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. № 2 (15). С. 38–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-otvechaet-na-vyzovy-vremeni> (дата обращения: 11.03.2023).
4. Караковский В. А., Новикова Л. И., Селиванова Л. И. Воспитание в кризисном обществе : учеб. пособие. М., 2001. 91 с.
5. Ерофеева О. Г. Организация воспитательной работы в современной школе: педагогические ресурсы : учеб. пособие. Владимир, 2021. 104 с.
6. Юдина Я. О. Система управления персоналом // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 574–575. URL: <https://moluch.ru/archive/338/75848/> (дата обращения: 11.03.2023).
7. Клочкова Л. И. Ресурсы управления развитием воспитания и школьной социализации в современной образовательной организации // Фундаментальные исследования. 2014. № 5 (ч. 5). С. 1088–1091.
8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федер. закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Прохорова О. Г. Управление воспитательной деятельностью в образовательных учреждениях : учеб. пособие. М., 2020. 117 с.
10. Соловьева Т. О. Современные технологии в реализации модуля «социальное партнерство» программы воспитания в школе // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2022. № 11 (76). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/sovremennye-tehnologii-v-realizatsii-modulya-sotsialnoe-partnerstvo-programmy-vospitaniya-v-shkole.html> (дата обращения: 11.03.2023).
11. Вяткина Л. Б., Груздева И. В. Социальное партнерство как фактор успешной деятельности образовательной организации // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11 (53). Ч. 3. С. 29–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-kak-faktor-uspeshnoy-deyatelnosti-obrazovatelnoy-organizatsii> (дата обращения: 11.03.2023).
12. Дроздов Н. А. Социальное партнерство в образовании: сущность и содержание понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2016. № 180. С. 68–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-v-obrazovanii-suschnost-i-soderzhanie-ponyatiya> (дата обращения: 11.03.2023).
13. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования : приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286 (ред. от 08.11.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования : приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 г. № 413 (ред. от 12.08.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 (ред. от 18.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Malenkova L.I. The triumph of education: is it possible? *Narodnoe obrazovanie = Public Education*, 2011, no. 5, pp. 217–222. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvo-vospitaniya-vozmozhno-li-ono/> (accessed March 11, 2023).
2. Ushinskii K.D. *O pol'ze pedagogicheskoi literatury* [On advantages of pedagogical literature]. Available at: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_o_polze.html/ (accessed March 11, 2023).
3. Ariarskii M.A. The theory of socio-cultural activity responds to the challenges of time. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, 2013, no. 2 (15), pp. 38–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-otvechaet-na-vyzovy-vremeni> (In Russ.). (Accessed March 11, 2023).
4. Karakovskii V.A., Novikova L.I., Selivanova L.I. *Vospitanie v krizisnom obshchestve: ucheb. posobie* [Education in a crisis society: teaching aid]. Moscow, 2001. 91 p.
5. Erofeeva O.G. *Organizatsiya vospitatel'noi raboty v sovremennoi shkole: pedagogicheskie resursy: ucheb. posobie* [Organization of educational work in a modern school: pedagogical resources: teaching aid]. Vladimir, 2021. 104 p.
6. Yudina Ya.O. Personnel management system. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2020, no. 48 (338), pp. 574–575. Available at: <https://moluch.ru/archive/338/75848/> (In Russ.). (Accessed March 11, 2023).
7. Klochkova L.I. Resources for managing the development of education and school socialization in a modern educational organization. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Studies*, 2014, no. 5 (part 5), pp. 1,088–1,091. (In Russ.).
8. *O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" po voprosam vospitaniya obuchayushchikhsya: feder. zakon ot 31.07.2020 No. 304-FZ* [On amendments to the Federal Law "On education in the Russian Federation in terms of education of students: Federal Law No. 304-FZ of July 31, 2020]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
9. Prokhorova O.G. *Upravlenie vospitatel'noi deyatelnosti'yu v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: ucheb. posobie* [Management of educational activities in educational institutions: teaching aid]. Moscow, 2020. 117 p.
10. Solov'eva T.O. Modern technologies in the implementation of the module "social partnership" of the program of education in school. *Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal = World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practice Journal*, 2022, no. 11 (76). Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/sovremennye-tehnologii-v-realizatsii-modulya-sotsialnoe-partnerstvo-programmy-vospitaniya-v-shkole.html> (In Russ.). (Accessed March 11, 2023).
11. Vyatkina L.B., Gruzdeva I.V. Social partnership as a factor of successful educational organization work. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2016, no. 11 (53), part 3, pp. 29–31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-kak-faktor-uspeshnoy-deyatelnosti-obrazovatelnoy-organizatsii> (In Russ.). (Accessed March 11, 2023).
12. Drozdov N.A. Social partnership in education: essence and content of concept. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2016, no. 180, pp. 68–72. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-v-obrazovanii-suschnost-i-soderzhanie-ponyatiya> (In Russ.). (Accessed March 11, 2023).
13. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya: prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 31.05.2021 No. 286 (red. ot 08.11.2022)* [On the approval of the Federal State educational standard of primary general

education: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 286 of May 31, 2021 (as amended of November 8, 2022)]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

14. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego obshchego obrazovaniya: prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.05.2012 g. No. 413 (red. ot 12.08.2022)* [On the approval of the Federal State educational standard of secondary general education: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 413 of May 17, 2012 (as amended of August 12, 2022)]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

15. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya: prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 31.05.2021 № 287 (red. ot 18.07.2022)* [On the approval of the Federal State educational standard of basic general education: Order of the Ministry of Education of Russia No. 287 of May 31, 2021 (as amended of July 18, 2022)]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА ГУЗАКОВА – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инновационного менеджмента и управления проектами Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, olguzakova@mail.ru

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА ИВАСЮК – магистрант Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, olika.larionova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

OL'GA L. GUZAKOVA – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at the Department of Innovation Management and Project Management of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Vologda, Russia, olguzakova@mail.ru

OL'GA A. IVASYUK – Master's student of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Vologda, Russia, olika.larionova@yandex.ru

Статья поступила 12.03.2023

Научная статья

УДК 378

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.003

Некоторые методические аспекты преподавания международного права в ведомственной образовательной организации (на примере Вологодского института права и экономики ФСИН России)

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Аннотация. Международное право является самостоятельной системой права, отличной от системы национального права, и его изучение выступает важной составляющей получения высшего образования в целом. Особенности международного права обуславливают определенную специфику его преподавания. Эффективность изучения международного права зависит от ряда факторов: во-первых, актуализации знаний международного права в обществе; во-вторых, профессионального уровня как обучающихся, так и преподавателя; в-третьих, выбранной методики преподавания международного права; в-четвертых, использования электронных образовательных ресурсов и технологий; в-пятых, материально-технического обеспечения учебного процесса.

Ключевые слова: образовательные технологии; практико-ориентированный подход; электронная образовательная среда; методика преподавания; международное право; национальное право.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Кириловская Н. Н. Некоторые методические аспекты преподавания международного права в ведомственной образовательной организации (на примере Вологодского института права и экономики ФСИН России) // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 20–25. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.003.

Original article

Some Methodological Aspects of Teaching International Law in a Departmental Educational Organization (Case Study of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia)

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Abstract. International law is an independent system of law, different from the system of national law, and its study is an important component of higher education in general. The international law specifics determines certain specifics of teaching. The effectiveness of studying international law depends on a number of factors: first, actualization of knowledge of international law in society; second, the professional level of both students and teachers; third, the chosen methodology of teaching international law; fourth, the use of electronic educational resources and technologies; fifth, the material and technical support of the educational process.

Keywords: educational technologies; practice-oriented approach; electronic educational environment; teaching methods; international law; national law.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Kirilovskaya N.N. Some methodological aspects of teaching international law in a departmental educational organization (case study of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia). *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 20–25. doi: 10.46741/sjjournal.2023.8.1.003.

Учебным планом юридического факультета ВИПЭ ФСИН России предусмотрено изучение международного права. Международное право является одной из учебных дисциплин, относящихся к базовому блоку, освоение которых выступает обязательным условием получения полноценного высшего образования [1]. Знания по дисциплине «Международное право» являются серьезным дополнением к общему объему знаний юриста, расширяют его кругозор, развивают способность понимания и осознания изменений, происходящих в национальном законодательстве. В сегодняшних условиях правильное толкование норм международного права и норм международного гуманитарного права особенно способствует формированию адекватной оценки международной обстановки и препятствует введению в заблуждение со стороны различных информационных каналов.

Международное право – серьезная и важная дисциплина, которая базируется на знаниях, полученных в ходе изучения таких предметов, как теория государства и права, история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, конституционное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, административное право и т. д. Очень важно понимать, что освоение указанных дисциплин должно предшествовать изучению международного права, так как это позволит обучающимся не только получить представление об основных понятиях теории государства и права, отраслевых юридических науках, но и оперировать юридическими понятиями и категориями, юридически грамотно анализировать события и давать им адекватную правовую оценку, ориентироваться в действующем законодательстве, а также приобрести навыки работы с нормативно-правовыми актами. Следовательно, для изучения международного права должен быть подготовлен хороший фундамент из знаний, умений, навыков и владений.

Изучение и преподавание международного права имеет свои особенности, так как международное право представляет собой самостоятельную систему права, отличную от системы национального права. Система международного права включает в себя самостоятельные отрасли права, такие как право международных договоров, право внешних сношений, право международных организаций, международное право человека, территория и международное право, международное морское право, международное космическое право, международное воздушное право, международное уголовное право, право международной ответственности, международное экологическое право, международное экономическое право, международное право в период вооруженных конфликтов и др. С

учетом такой серьезной и объемной содержательной части изучение международного права желательно осуществлять на старших курсах, чтобы обучающиеся могли осознанно и с пониманием воспринимать учебный материал. В ВИПЭ ФСИН России международное право изучается в рамках образовательной программы 40.03.01 Юриспруденция на втором курсе, а в рамках образовательной программы 40.05.02 Правоохранительная деятельность – на пятом курсе. Изучение международного права на втором курсе таит в себе трудности, и связано это, прежде всего, с отсутствием к этому времени минимальных знаний по отраслям права, которые необходимы для понимания и анализа международно-правовых проблем. В связи с этим преподавателю, ведущему международное право, необходимо в большинстве случаев освещать вопросы отдельных отраслей, в противном случае возникают трудности с полноценным освоением материала по международному праву. Изучение международного права на пятом курсе позволяет преподавателю основываться на знаниях, полученных обучающимися на ранних курсах, и выходить сразу на международно-правовую проблематику. Таким образом, изучение международного права на втором курсе требует от преподавателя большого мастерства при изложении учебных вопросов и достаточных знаний по различным отраслям права.

Особенности международного права определяют и особую методику его преподавания. Наиболее результативным представляется использование практико-ориентированного подхода. Практико-ориентированный подход не является для системы образования чем-то новым. Так, еще в XVIII–XIX вв. ученые, педагоги признавали необходимость связи теории и практики. Новая образовательная парадигма базируется на внедрении большого количества практики и самостоятельной работы обучающихся в процесс обучения, с тем чтобы сформировать определенные компетенции, которые обучающийся сможет реализовать в профессиональной деятельности. В связи с этим и возникает потребность в практико-ориентированном подходе [2]. Следует отметить, что в настоящее время соответствующий принцип усовершенствуется посредством различных современных образовательных технологий.

Использование практико-ориентированного подхода в ходе преподавания международного права направлено на формирование у обучающихся твердых теоретических знаний и практических навыков путем использования активных и интерактивных форм обучения, а также самостоятельной познавательной и активной учебной деятельности путем использования различных информационных технологий и электронных ресурсов. Не менее важно привлечение практических работников к образовательному процессу и передача ими опыта и практических знаний обучающимся. Результатом всей этой работы является получение обучающимися необходимых компетенций для применения на практике.

Практико-ориентированный подход определяет как содержание учебной дисциплины, так и выбор методов обучения и создает структуру учебного процесса. С помощью образовательных технологий активного и интерактивного типа обучающийся получает практические знания, затем в рамках практико-ориентированной деятельности предпринимает практические действия, и на выходе происходит формирование профессиональных компетенций, необходимых на практике.

В качестве основных образовательных технологий при преподавании международного права в ВИПЭ ФСИН России используются как традиционные (лекции, семинары, практические занятия), так и нетрадиционные (междисциплинарные семинары, коллоквиумы, групповая работа, ролевые игры) формы. Выбор образовательных технологий является важной составляющей преподавания международного права. Образовательные технологии используются поэтапно – от более простых к более сложным – с целью формирования компетенций. Особенностью преподавания международного права является смешанное

использование теоретических и практических методов обучения. Так, например, лекции по международному праву проходят, как правило, не в формате простой передачи знаний, а с элементами практики, а изучение международного права на старших курсах позволяет изначально построить лекцию на практической составляющей с привлечением теоретического материала. Данный способ дает возможность активизировать деятельность обучающихся на лекционном занятии, то есть имеет место не простая передача учебного материала от преподавателя к обучающимся, а совместная работа обеих сторон, действовавших в учебном процессе. Лекция является одной из важнейших форм обучения. Тщательно продуманный алгоритм использования учебных вопросов, методов, способов и приемов позволяет активизировать деятельность обучающихся, повысить их мотивацию к освоению новых знаний.

Применение практико-ориентированного подхода направлено на получение практического опыта деятельности на основании практических знаний, умений, навыков. Согласно приказу Минобрнауки № 885, Минпросвещения № 390 от 05.08.2020 «О практической подготовке обучающихся» практическая подготовка – форма организации образовательной деятельности при освоении образовательной программы в условиях выполнения обучающимися определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью и направленных на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенций по профилю соответствующей образовательной программы. Практическая подготовка может осуществляться путем проведения практических занятий, практикумов, лабораторных работ и реализации иных аналогичных видов учебной деятельности, предусматривающих участие обучающихся в выполнении отдельных элементов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью. Таким образом, трехзвенная система в образовании ЗУН должна быть заменена на ЗУНОП – знания, умения, навыки, опыт деятельности. Итогом практической подготовки должно стать формирование профессиональных компетенций. Так, например, в ходе изучения международного права обучающиеся должны научиться анализировать нормы международного права, правильно их толковать и на основании этого решать практические ситуации. Для достижения такого результата необходимо, во-первых, разработать учебно-методическую литературу, включая практикумы, учебники, учебные пособия; во-вторых, создать электронный образовательный ресурс как по дисциплине в целом, так и по отдельным темам. Использование комплексных электронных образовательных ресурсов (ЭОР) в учебном процессе позволит преподавателю реализовать на практике инновационные методы обучения, сделать курсы индивидуальными и повысить информатизацию обучения, а также внедрить в учебный процесс принципы компетентно-ориентированного подхода, усилить самостоятельную составляющую образовательного процесса для обучающегося. В ЭОР должны быть предусмотрены практическое применение знаний и аттестация, контроль знаний [3]. По международному праву в ВИПЭ ФСИН России имеется все необходимое учебно-методическое обеспечение, а также создан электронный образовательный ресурс на образовательной платформе «Русский Мудл». Все обучающиеся, в том числе отсутствующие на занятиях по уважительным причинам, в любое время могут изучить пропущенные темы, получить дополнительные знания по дисциплине и пройти контроль знаний.

Важной составляющей использования практико-ориентированного подхода является сотрудничество с практикующими органами, в частности привлечение практических работников к образовательному процессу. Так, например, в рамках международного права при изучении темы «Международное право прав человека» к учебному процессу привлекаются Уполномоченный по правам человека в Вологодской области, помощник начальника территориального органа ФСИН России по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе.

Формирование самостоятельной и активной учебной деятельности обучающихся осуществляется путем использования различных информационных электронных ресурсов. В ходе освоения международного права обучающиеся работают с официальными базами данных Европейского суда по правам человека, Комитета министров Совета Европы, Организации Объединенных Наций, Международной организации уголовной полиции и т. д.

Таким образом, внедрение практико-ориентированного подхода требует наличия специальных компетенций, профессиональной подготовки у преподавателя; определенных содержания и структуры методического обеспечения, электронной образовательной среды и специфики ее организации; методологии разработки и применения тестовых заданий, индивидуальных заданий на основе практических ситуаций. В силу этого роль преподавателя меняется с транслятора знаний на менеджера, он становится консультантом и организатором различных видов деятельности обучающихся, проводником в формировании компетенций [4]. Задача преподавателя есть не только дать знания, но и научить, как ими пользоваться при анализе той или иной правовой ситуации.

Подводя итоги, хотелось бы остановиться на тех проблемах, которые возникают в ходе преподавания международного права:

- изучение международного права на младших курсах осложняется отсутствием у обучающихся профессиональных знаний, необходимых для рассмотрения международно-правовых вопросов;

- отсутствие у участников образовательного процесса достаточной мотивации к изучению международного права;

- высокая загруженность участников образовательного процесса (профессорско-преподавательского состава и обучающихся);

- недостаточное материально-техническое обеспечение и др.

В качестве путей преодоления указанных проблем можно предложить:

- актуализацию изучения международного права на государственном уровне;

- расширение круга конкурсных, научных мероприятий по вопросам международного права с участием обучающихся;

- создание в вузах среды, стимулирующей формирование у обучающихся целевой осознанной потребности в приобретении знаний в области не только национального, но и международного права;

- сочетание офлайн- и онлайн-обучения при освоении международного права и др.

Таким образом, в ходе преподавания международного права необходимо учитывать его особенности: самостоятельность, относительную сложность юридических конструкций, понятий, методов правового регулирования, дискуссионность многих элементов доктринальных аспектов. Это, в свою очередь, приводит к необходимости установления повышенных требований, предъявляемых к уровню профессиональной подготовки как слушателей дисциплины, так и самого педагога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шестаков Л. Н. Понятие международного права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1997. № 6. С. 88–101.
2. Лунева Ю. Б., Ваганова О. И., Смирнова Ж. В. Практико-ориентированный подход в профессиональном образовании // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 6 (32). С. 122–126.
3. Куценко С. М., Косулин В. В. Электронные образовательные ресурсы как инструмент обучения // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017. № 4 (36). С. 127–134.

4. Вяткина И. В. Практико-ориентированное обучение как средство профессионализации подготовки будущих специалистов в университете // Новый взгляд на систему образования : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Ю. Пудов. Кемерово, 2019. С. 007.1–007.5.

REFERENCES

1. Shestakov L.N. International law concept. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Law*, 1997, no. 6, pp. 88–101. (In Russ.).
2. Luneva Yu.B., Vaganova O.I., Smirnova Zh.V. Practice-oriented approach in professional education. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economics: Development and Improvement Prospects*, 2018, no. 6 (32), pp. 122–126. (In Russ.).
3. Kutsenko S.M., Kosulin V.V. Electronic educational resources as a tool of training to engineering specialties. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta = Kazan State Power Engineering University*, 2017. № 4 (36). S. 127–134. (In Russ.).
4. Vyatkina I.V. Practice-oriented training as a means of professionalizing the training of future specialists at the university. In: Pudov E.Yu. (Ed.). *Novyi vzglyad na sistemu obrazovaniya: sb. materialov 2 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [A new look at the education system: proceedings of the 2nd International research and practice conference]. Kemerovo, 2019. Pp. 007.1–007.5. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Статья поступила 15.03.2023

Научная статья

УДК 343.825

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.004

Особенности профессиональной мотивации сотрудников оперативных подразделений ФСИН России

ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ КОВАЛЕВ

Псковский филиал Университета ФСИН России, Псков, Россия,
Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

Аннотация. В статье анализируются особенности профессиональной мотивации сотрудников оперативных подразделений ФСИН России, выявленные в результате специального теоретико-эмпирического исследования. Определены доминирующие мотивы сотрудников оперативных подразделений, их распространенность в мотивационной сфере и влияние на другие психологические характеристики, эффективность осуществления ОРД, проведения оперативно-розыскных мероприятий в условиях учреждений УИС.

Ключевые слова: профессиональная мотивация; оперативно-розыскная деятельность; мотивационная сфера; оперативные подразделения; учреждения УИС.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Ковалев О. Г. Особенности профессиональной мотивации сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 26–30. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.004.

Original article

Characterizing Professional Motivation of Employees of Operational Units of the Federal Penitentiary Service of Russia

OLEG G. KOVALEV

Pskov Branch of the Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pskov, Russia, Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

Abstract. The article analyzes features of professional motivation of employees of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia, identified as a result of a special theoretical and empirical study. Dominant motives of operational unit employees, their prevalence in the motivational sphere and their influence on other psychological characteristics, the effectiveness of the implementation of law enforcement intelligence operations, the conduct of law enforcement intelligence in penitentiary institutions are determined.

Keywords: professional motivation; law enforcement intelligence operations; motivational sphere; operational units; penitentiary institutions.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kovalev O.G. Characterizing professional motivation of employees of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 26–30. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.004.

Мотивационная сфера, включающая различные доминирующие группы мотивов, безусловно, является основной психологической характеристикой личности сотрудников оперативных подразделений ФСИН России, детерминирующей успешность и эффективность реализации ими оперативно-служебной деятельности, осуществления ОРМ в условиях СИЗО и ИУ. Она весьма специфична и активно используется при обучении указанной категории сотрудников, их профессиональной подготовке и повышении квалификации [1].

Методологической основой проводимого исследования профессиональной мотивации выступили работы отечественных и зарубежных психологов: В. И. Герчикова, А. Г. Дикой, Е. П. Ильина, А. А. Налчаджяна, С. А. Ларионова, Т. Шибутани, В. Д. Шадрикова, Р. А. Пилюяна, Ф. Герцберга, Дж. Аткинсона, Дж. Адамса, Л. Портера, Э. Лоуэра, А. А. Реана, Л. Филипса и др.

Весьма полезным в рассматриваемом контексте было использование взглядов, типологий и классификаций мотивов, характеристик мотивационной сферы, обобщенных и рассмотренных Е. П. Ильиным [2, с. 342].

Эмпирическое исследование осуществлялось посредством методик диагностики трудовой мотивации В. И. Герчикова и профессиональной мотивации И. Г. Кокуриной, при помощи которых были обследованы свыше 70 сотрудников оперативных подразделений УФСИН России по Республике Карелия, Нижегородской, Новгородской и Псковской областям [3, с. 54].

В ходе эксперимента в мотивационной сфере выявлены такие группы мотивов, как преобразующие, коммуникативные, утилитарные, кооперативные, конкурентные и мотивы достижения. Первые характерны для 32 % обследованных, показатели по другим группам мотивов распределились следующим образом: 21 % респондентов имеет развитый утилитарно-прагматический мотив, представляющий собой разновидность так называемых гедонистических мотивов, коммуникативный мотив преобладает у 17 % сотрудников, кооперативный присущ 12 % респондентов, конкурентный – 10 %, также для 10 % сотрудников оперативных подразделений ФСИН России характерен мотив достижения.

Необходимо отметить, что указанные группы профессиональных мотивов присутствуют в структуре личности сотрудников параллельно с другими мотивами, которые в определенных условиях выступают доминирующими. Данное положение свидетельствует о полимотивированности профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений, определенной гибкости, изменении и формировании мотивации в зависимости от уровня развития личности и социальной среды, в которую они включены, наличия опыта практической деятельности, развитых профессиональных компетенций, умений и навыков.

Безусловно, в установленной структуре профессиональной мотивации важное место принадлежит мотивам, направленным на достижение результата профессиональной деятельности, реализацию здоровой конкурентной мотивации, кооперацию с другими сотрудниками для достижения целей оперативно-служебной деятельности. Доминирование

кооперативной мотивации предполагает ее проявление сотрудниками как социально полезной для близкого окружения и других граждан.

В данном контексте возрастает роль и значение такой личностной характеристики, как адаптивность, проявляющейся на всех этапах службы сотрудников, в первую очередь в начале карьеры, когда происходит своеобразная психологическая настройка молодого сотрудника в конкретных условиях профессиональной деятельности в учреждениях УИС [4].

Адаптация оперативных работников сопровождается также дополнительными обязанностями по соблюдению законности, прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия. Осуществляется ОРД с использованием негласных источников оперативной информации [5].

Сотрудники оперативных подразделений ФСИН России, отличающиеся развитой прагматической мотивацией, стремятся к сохранению внутреннего психологического комфорта, купированию и предотвращению стрессовых ситуаций, связанных с реализацией ОРД. Другие оперативные работники с присущей им деятельностной мотивацией достижения успеха, карьерного роста самосовершенствуются, формируют профессиональные компетенции, умения и навыки, в том числе в части установления и поддержания психологических контактов с источниками оперативной информации.

Примененные в ходе эмпирического исследования адаптированные методики И. Г. Кокуриной и В. И. Герчикова показали, что сотрудники оперативных подразделений учреждений УИС в основном ориентированы на процесс достижения целей и реализацию профессиональных компетенций, конкретных результатов ОРД и лишь незначительная часть из них (менее 11 %) – на преодоление трудностей пенитенциарной деятельности. Более трети сотрудников ценят осуществляемую оперативно-розыскную деятельность, активно самореализуются в ней, стремятся к самостоятельности, развитию профессионализма, совершенствованию профессиональных умений и навыков.

Для менее чем трети сотрудников характерен так называемый авторитарный тип мотивации. Эти лица уверенно принимают ответственность, реализуют ОРМ на высоком эмоционально-волевом фоне, не нуждаются в дополнительных контрольных и надзорных мероприятиях со стороны руководителей оперативных подразделений и надзирающих прокуроров.

Как свидетельствуют данные эмпирического исследования, пятая часть сотрудников оперативных подразделений УИС имеет так называемую инструментальную мотивацию. Доминирующей потребностью при этом выступает размер материального вознаграждения за оперативно-служебную деятельность.

Также 20 % оперативных работников присуща патриотическая мотивация, связанная с общественным признанием, деятельным участием в жизни пенитенциарного учреждения, наличием активной жизненной позиции и жизненных планов, развитых социальных коммуникаций с персоналом, подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

Менее 12 % обследованных сотрудников оперативных подразделений избегают профессионального общения при осуществлении ОРД, минимизируют гражданскую ответственность за совершаемые действия, проявляют пассивность и непрофессионализм при проведении ОРМ. У них также доминирует мотив получения материальных благ и привилегий.

Таким образом, анализ особенностей профессиональной мотивации сотрудников оперативных подразделений УИС показал преобладание в мотивационной сфере мотивов достижения успеха, карьерного роста, развития компетенций, умений и навыков их реализации, самостоятельности и инициативности. Указанная позитивная тенденция нуждается

в дальнейшем развитии и совершенствовании, в том числе через реализацию прогрессивной современной системы защиты прав сотрудников, расширения льгот и социальных гарантий [6, с. 93].

Очевидно, что установленные в ходе теоретико-эмпирического исследования особенности профессиональной мотивации сотрудников оперативных подразделений ФСИН России имеют приоритетное значение для формирования специальных психологических характеристик сотрудников, определяемых профессиограммой их деятельности. Дальнейшая работа в обозначенном направлении позволит не только совершенствовать теоретические и методические подходы к обеспечению психограммы личности сотрудников рассматриваемой категории, но и предложить современные методики их обучения, оказания психолого-воспитательного воздействия, развития мотивационной сферы, направленные на эффективное решение оперативно-служебных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалев О. Г., Вилкова А. В. Современные организационные и психолого-педагогические проблемы подготовки сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития : материалы 3 Междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2021. С. 232–238.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000. 512 с.
3. Герчиков В. И. Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1 // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2. С. 53–62.
4. Вилкова А. В., Ковалев О. Г. Адаптация молодых специалистов к профессиональной деятельности в оперативной службе в исправительном учреждении // Вопросы педагогики. 2021. № 6-2. С. 49–52.
5. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С. Г. Кехлерова и О. С. Капинус. М., 2022. 595 с.
6. Ковалев О. Г. Социальные и правовые проблемы защиты сотрудников службы безопасности в учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 84, ч. 5. С. 92–94.

REFERENCES

1. Kovalev O.G., Vilkova A.V. Modern organizational and psychological and pedagogical problems of training employees of operational units of the penal system. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya: materialy 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Penal system: realities and prospects of development: proceedings of the 3rd International scientific and practical conference]. Pskov, 2021. Pp. 232–238. (In Russ.).
2. Il'in E.P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg, 2000. 512 p.
3. Gerchikov V.I. Typological concept of labor motivation. Part 1. *Motivatsiya i oplata truda = Motivation and Remuneration*, 2005, no. 2, pp. 53–62.
4. Vilkova A.V., Kovalev O.G. Adaptation of young specialists to professional activity in the operational service in a correctional institution. *Voprosy pedagogiki = Issues of Pedagogy*, 2021, no. 6–2, pp. 49–52. (In Russ.).
5. *Nastol'naya kniga prokurora* [The prosecutor's desk book]. Ed. by Kekhlerov S.G., Kapinus O.S. Moscow, 2022. 595 p.
6. Kovalev O.G. Social and legal problems of the protection of security service employees in the institutions of the penitentiary system. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2022, no. 84, part 5, pp. 92–94. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ КОВАЛЕВ – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной де-

тельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Университета ФСИН России, Псков, Россия, Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OLEG G. KOVALEV – Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Psychology), Professor, professor at the Department of Regime Organization and Law Enforcement Intelligence Operations in the Penal System of the Pskov Branch of the Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pskov, Russia, Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

Статья поступила 22.02.2023

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.005

Характеристика жизнестойкости у сотрудников отдела охраны исправительного учреждения

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА СПЕРАНСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, bersim@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты уточняющего исследования, направленного на установление особенностей развития жизнестойкости как профессионально важного качества у сотрудников отдела охраны исправительного учреждения. Выявлено, что низкие показатели жизнестойкости имеют менее четверти опрошенных сотрудников. Остальные сотрудники продемонстрировали средний и высокий уровень развития жизнестойкости. Однако в каждой группе испытуемых, имеющих различный уровень жизнестойкости, с помощью U-критерия различия Манна – Уитни и Φ^* -углового преобразования Фишера выявлено разнообразное сочетание компонентов. Установлено, что сотрудники с высоким показателем жизнестойкости имеют только высокоразвитый компонент «Принятие риска», они открыты новому опыту, готовы меняться в возникающих сложных профессиональных ситуациях, чтобы быть эффективными в труде. Сотрудники же с низким уровнем развития жизнестойкости действуют строго по чужим указаниям, не вникая в суть ситуации.

Ключевые слова: требования профессии; профессионально важные качества; жизнестойкость; включенность; контроль; принятие риска; сотрудник отдела охраны.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

Для цитирования: Сперанская А. В. Характеристика жизнестойкости у сотрудников отдела охраны исправительного учреждения // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 31–37. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.005.

Original article

Characteristics of Resilience of Security Department Employees in a Correctional Facility

ALEKSANDRA V. SPERANSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Vologda, Russia, bersim@mail.ru

Abstract. The article presents results of the clarifying study aimed at establishing features of resilience development as a professionally important quality of security de-

partment employees of a correctional facility. It is revealed that less than a quarter of the surveyed employees have low indicators of resilience. The remaining employees demonstrated an average and high level of resilience development. However, in each group of subjects with a different level of resilience, a diverse combination of components is determined with the help of the U-criterion of the Mann–Whitney difference and the φ^* -Fisher angular transformation. It is established that employees with a high index of resilience have only a highly developed component of “risk taking”, they are open to new experiences, ready to change in emerging difficult professional situations in order to be effective at work. Employees with a low level of resilience development act strictly according to someone else’s instructions, without delving into the essence of the situation.

Key words: profession requirements; professionally important qualities; resilience; inclusiveness; control; risk taking; employee of the security department.

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology.

For citation: Speranskaya A.V. Characteristics of resilience of security department employees in a correctional facility. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 31–37. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.005.

Учет требований профессии к личности субъекта труда является важным с точки зрения профессионального развития и профилактики профессиональных деструкций работников организации. Ученые, занимающиеся изучением профессиональной деятельности сотрудников исправительных учреждений и их профессионально важных качеств, отмечают высокую стрессогенность этой работы [10], экстремальный характер профессии. В связи с этим реализуется профессиональный психологический отбор кандидатов на службу для выявления наиболее подходящих сотрудников для пенитенциарной системы. Однако известно, что профессиональный психологический отбор и составленный на его основе прогноз в виде определения профессиональной пригодности весьма краткосрочен – рассчитан примерно на 3–5 лет. Необходимо проводить регулярные психодиагностические исследования с целью определения, как именно меняется личность сотрудника в профессиональных условиях, и выявлять те качества, которые профилактируют, тормозят развитие профессиональных деструкций. Многими учеными предпринимались попытки определения перечня профессионально важных качеств, позволяющих сотрудникам исправительных учреждений оставаться высокоэффективными субъектами труда [2]. Так, сотрудники кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России на протяжении достаточно длительного периода времени составляют перечень профессионально важных качеств сотрудников УИС и изучают их [3; 4]. В перечень вошли такие качества, как самоконтроль [5], способность к рефлексии [6], толерантность [7], коммуникативная компетентность [8], интеллектуальные способности [9], эмпатия [10]. На современном этапе в зону наших интересов вошло такое личностное качество, как жизнестойкость, позволяющая сотрудникам исправительных учреждений успешно противостоять сложным условиям осуществления профессиональной деятельности. Исследователями подчеркивается, что жизнестойкость является интегральным психологическим свойством личности, которое выступает значимым фактором в ее профессиональном развитии. Жизнестойкость в профессиональной сфере выступает одновременно как условие, процесс и результат преодоления неудач, трудностей и неблагоприятных ситуаций в профессиональной деятельности [11]. Установлено, что лицам с высокими показателями жизнестойкости свойственны адаптивные копинг-стратегии, стенические психические состояния, высокая активность в решении сложных, нетипичных трудовых задач.

Несмотря на относительную изученность данного профессионально важного качества, в современной научной литературе отсутствуют описания жизнестойкости у сотрудников различных подразделений исправительного учреждения. Целью нашего исследования стало установление особенностей развития жизнестойкости у сотрудников отдела охраны. Профессиональная деятельность сотрудника отдела охраны отличается высокой алгоритмизированностью и монотонностью по сравнению с профессиональной деятельностью сотрудников других подразделений, а также вероятностью применения огнестрельного оружия при возникновении определенной ситуации.

Исследование было реализовано А. В. Лалетиной в рамках сбора эмпирических данных для подготовки выпускной квалификационной работы под нашим руководством на базе ИК-6 и ИК-17 УФСИН России по Кировской области в 2022 г. В выборку вошли 60 сотрудников мужского пола отдела охраны исправительных учреждений в возрасте от 30 до 40 лет. В качестве методики был использован «Тест жизнестойкости» С. Мадди [12], позволяющий изучить все компоненты жизнестойкости и определить общий уровень ее развития. На основе общего показателя жизнестойкости вся выборка была поделена на три группы: с высоким, средним и низким уровнем жизнестойкости (табл. 1).

Таблица 1

Уровень развития жизнестойкости у сотрудников отдела охраны по результатам диагностики с помощью методики С. Мадди «Тест жизнестойкости»

Уровень жизнестойкости	Низкий	Средний	Высокий
Количество испытуемых (в %)	22	45	33
Наименование экспериментальной группы	ЭГ ₁	ЭГ ₂	ЭГ ₃

Представленные в таблице 1 данные наглядно поясняют разделение выборки в соответствии с показателями по шкале «Жизнестойкость» методики С. Мадди.

Было выявлено 22 % испытуемых с низким уровнем жизнестойкости. Данные лица характеризуются отсутствием личностно значимых целей и смыслов жизни. Такие сотрудники чаще всего чувствительны к различным мелочам профессиональной деятельности и возникающим трудностям, а также подвержены хроническому стрессу.

45 % испытуемых обнаружили средний уровень жизнестойкости, что позволяет их охарактеризовать как стремящихся жить сегодняшним днем, не полностью удовлетворенных своей жизнью и профессиональной деятельностью, не всегда способных контролировать происходящие события, имеющих неструктурированные представления о будущем, выдвигающих цели ситуативно и преимущественно несамостоятельно. Они склонны остро реагировать на негативные происходящие вокруг их события, но способны находить ресурсы для преодоления этих трудностей.

Высокий уровень выраженности жизнестойкости выявлен у трети опрошенных (33 %). Данная группа респондентов легче переносит тревогу, а также активно противостоит возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами. Они обладают способностью чувствовать себя значимыми и ценными, активно решать профессиональные задачи, несмотря на присутствие стрессогенных факторов. Такие люди с легкостью могут абстрагироваться от мелочей жизни, преодолевать возникающие трудности, а также находить ресурсы для продвижения к желаемой цели [13, с. 112].

Для установления особенностей развития компонентов жизнестойкости в каждой группе испытуемых был применен U-критерий Манна – Уитни. Полученные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Среднее значение компонентов жизнестойкости в зависимости от уровня ее развития

Компоненты жизнестойкости	Средние значения в группах испытуемых			Значимые различия по U-критерию Манна – Уитни между группами испытуемых		
	ЭГ ₁	ЭГ ₂	ЭГ ₃	ЭГ ₁ – ЭГ ₂	ЭГ ₁ – ЭГ ₃	ЭГ ₂ – ЭГ ₃
Вовлеченность	34,8	37,9	40,5	U _{Эмп} = 23,5	U _{Эмп} = 0	U _{Эмп} = 63
Контроль	25,5	29,3	30,6	U _{Эмп} = 17,5	U _{Эмп} = 5,5	U _{Эмп} = 163,5
Принятие риска	11,3	14,2	18,6	U _{Эмп} = 59,5	U _{Эмп} = 0	U _{Эмп} = 3

Как видно из таблицы 2, получены значимые различия по каждому компоненту при последовательном сравнении групп испытуемых. Уровневый анализ выраженности каждого компонента внутри каждой группы испытуемых и применение Φ^* -углового преобразования Фишера позволило достоверно установить особенности развития жизнестойкости в каждой группе участников исследования. Так, вовлеченность на низком (38,5 %) и среднем (61,5 %) уровне развития была выявлена у сотрудников с низким уровнем жизнестойкости, когда как в группах со средним и высоким уровнем жизнестойкости присутствуют только средний (70,3 % в ЭГ₂ и 15 % в ЭГ₃) и высокий (29,7 % в ЭГ₂ и 85 % в ЭГ₃) уровень развития вовлеченности. Сотрудники с плохо развитой жизнестойкостью характеризуются отчужденностью, им кажется, что не стоит участвовать в текущих трудовых задачах, погружаться в них, в отличие от других групп испытуемых, которые считают себя более способными успешно действовать в различных сложных ситуациях, возникающих в повседневной профессиональной деятельности. Это свидетельствует о том, что в зависимости от уровня развития жизнестойкости сотрудники проявляют разную вовлеченность в служебную деятельность. Кто-то более заинтересован в выполнении своих служебных задач, а кто-то вообще не вникает в их сущность. Возможно, это вызвано определенным отношением к своим служебным обязанностям.

Другая особенность была выявлена в отношении компонента «Контроль» у групп испытуемых. Лицам с низким и средним уровнем жизнестойкости присуще развитие контроля на низком (38,5 % в ЭГ₁ и 3,7 % в ЭГ₂) и среднем (61,5 % в ЭГ₁ и 96,3 % в ЭГ₂) уровне, тогда как у лиц с развитой жизнестойкостью контроль присутствует на среднем (60 %) и высоком (40 %) уровне. Чем выше показатели контроля, тем больше сотрудники стремятся контролировать обстоятельства, влиять на стрессогенные факторы, искать пути влияния на ситуацию. С низкими показателями контроля сотрудники ощущают свою беспомощность в изменении ситуации, отдаются на волю случая.

Специфика в распределении показателей была выявлена и по компоненту «Принятие риска». У сотрудников с низкой жизнестойкостью представлены все уровни развития принятия риска (15,4 % – низкий, 53,8 % – средний и 30,8 % – высокий), в группе ЭГ₂ представлен только низкий уровень развития принятия риска, а в ЭГ₃ – только высокий. В теории С. Мадди принятие риска рассматривается как возможность самому измениться и отношение к этому процессу. Представленные данные наглядно передают, какая группа испытуемых больше открыта к изменениям.

Итак, можно достоверно утверждать, что сотрудники отдела охраны имеют различный уровень развития жизнестойкости. С помощью методики «Тест жизнестойкости» С. Мадди нами было выявлено меньше четверти сотрудников, имеющих низкий уровень жизнестойкости (22 %), основной массе испытуемых присуще средний (45 %) и высокий (33 %) ее уровни. В целом сотрудники могут достаточно успешно справляться со сложными си-

туациями и выдерживать специфичный характер выполняемых профессиональных задач. Большинство из них имеют необходимые установки в оценке текущей профессиональной деятельности и готовы активно работать для ее изменения в сторону улучшения.

Сами компоненты жизнестойкости развиты специфично в каждой группе испытуемых. В отношении всех испытуемых необходимо разработать и реализовать рекомендации по повышению эффективности профессиональной деятельности. Наибольшее внимание привлекает группа сотрудников с низким уровнем жизнестойкости, имеющих низкие показатели по всем ее компонентам. Из предложенных С. Мадди механизмов противостояния стрессу применительно к ним в первую очередь стоит обратить внимание на когнитивный механизм (обучить оценивать тяжелую ситуацию как менее стрессовую), мотивационный (обучить совладающему поведению с упором на эмоционально ориентированные копинги), социально-психологический (научить находить поддержку со стороны других людей).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соколова Ю. А. Влияние стрессовых факторов на личность сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях профессиональной деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 5. С. 35–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-stressovyh-faktorov-na-lichnost-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah/viewer> (дата обращения: 27.12.2022).
2. Потемкин П. В., Малышев К. Б., Соболев Н. Г., Чирков А. М. Характеристика психической устойчивости сотрудников отдела охраны с различными сроками службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 3. С. 553–564. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-psihicheskoy-ustoychivosti-sotrudnikov-otdela-ohrany-s-razlichnymi-srokami-sluzhby-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme/viewer> (дата обращения: 27.12.2022).
3. Коданева М. С. Профессионально важные качества сотрудников уголовно-исполнительной системы как условие формирования их профессиональной компетентности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 12. С. 44–49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15504030> (дата обращения: 27.12.2022).
4. Профессионально важные качества личности сотрудника уголовно-исполнительной системы : моногр. / под общ. ред. О. Н. Ракитской. Вологда, 2012. 110 с.
5. Сперанская А. В. Возрастные особенности структуры взаимосвязей показателей самоконтроля в период юности и взрослости (на примере сотрудников УИС) // Актуальные проблемы диагностики и развития профессионально важных качеств сотрудников УИС : сб. материалов науч.-практ. сем. / отв. ред. А. В. Сперанская, О. Н. Ракитская. Вологда, 2012. С. 73–79.
6. Ракитская О. Н. Исследование рефлексии у сотрудников УИС // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6. С. 87. URL: https://fsin.gov.ru/territory/Vipe/journal_bulletin_of_the_institute/archive/magazine/06/19.pdf (дата обращения: 27.12.2022).
7. Федоров А. Ф. Толерантность в отношениях «сотрудник уголовно-исполнительной системы – осужденный» // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 1 (11). С. 109–113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29326914> (дата обращения: 27.12.2022).
8. Никитина Т. В. Специфика профессиональной коммуникативной компетенции сотрудника уголовно-исполнительной системы // Педагогика и просвещение. 2019. № 2. С. 143–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-professionalnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-sotrudnika-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy/viewer> (дата обращения: 27.12.2022).
9. Прокопьева С. А., Сперанская А. В. Место умственных способностей в структуре профессионально важных качеств у сотрудников воспитательного отдела // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. межведомств. конф. (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2016. С. 515–516.

10. Царева Е. В. Проблема формирования и развития эмпатических способностей у сотрудников уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы диагностики и развития профессионально важных качеств сотрудников УИС : сб. материалов науч.-практ. сем. / отв. ред. А. В. Сперанская, О. Н. Ракитская. Вологда, 2012. С. 84–91.
11. Гриднева А. А., Выходчиков В. С. Личностные характеристики жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы // Символ науки. 2015. № 5. С. 249–251. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-harakteristiki-zhiznestoykosti-sotrudnikov-ugolovnoispolnitelnoy-sistemy/viewer> (дата обращения: 27.12.2022).
12. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006. 63 с.
13. Колюхова Т. В., Колюхова Е. Т. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 322, № 6. С. 110–114.

REFERENCES

1. Sokolova Yu.A. Influence of stress factors on the personality of employees of the Russian penal system in the course of professional activity. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Penal System News*, 2021, no. 5, pp. 35–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-stressovykh-faktorov-na-lichnost-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah/viewer> (In Russ.). (Accessed December 27, 2022).
2. Potemkin P.V., Malyshev K.B., Sobolev N.G., Chirkov A.M. Features of mental stability of security department staff with different duration of service in the penal system of the Russian Federation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 553–564. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-psiicheskoy-ustoychivosti-sotrudnikov-otdelaohrany-s-razlichnymi-srokami-sluzhby-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme/viewer> (In Russ.). (Accessed December 27, 2022).
3. Kodaneva M.S. The professionally important qualities of the penal system staff as a condition for the formation of their professional competence. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2010, no. 12, pp. 44–49. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15504030> (data obrashcheniya: 27.12.2022).
4. *Professional'no vazhnye kachestva lichnosti sotrudnika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: monogr.* [Professionally important qualities of the personality of the penal system employee: monograph]. Ed. by Rakitskaya O.N. Vologda, 2012. 110 p.
5. Speranskaya A.V. Age-related features of the structure of interrelations of self-control indicators during adolescence and adulthood (on the example of employees of the UIS). In: Speranskaya A.V., Rakitskaya O.N. (Eds.). *Aktual'nye problemy diagnostiki i razvitiya professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov UIS: sb. materialov nauch.-prakt. sem.* [Actual problems of diagnosis and development of professionally important qualities of employees of the UIS: collection of materials of the research and practice seminar]. Vologda, 2012. Pp. 73–79. (In Russ.).
6. Rakitskaya O.N. Research of reflection of officers of criminal-executive system. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2009, no. 6, pp. 87. Available at: https://fsin.gov.ru/territory/Vipe/journal_bulletin_of_the_institute/archive/magazine/06/19.pdf (In Russ.). (Accessed December 27.12.2022).
7. Fedorov A.F. The tolerance in the relationship “employee penal system – condemned”. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentiary law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 1 (11), pp. 109–113. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29326914> (In Russ.). (Accessed December 27.12.2022).
8. Nikitina T.V. Specifics of penal officers' professional communicative competence. *Pedagogika i prosveshchenie = Pedagogy and Education*, 2019, no. 2, pp. 143–152. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-professionalnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-sotrudnika-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy/viewer> (In Russ.). (Accessed December 27.12.2022).
9. Prokop'eva S.A., Speranskaya A.V. The place of mental abilities in the structure of professionally important qualities in the staff of the educational department. In: Votinov A.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. mezhvedomstv. konf. (16–17 iyunya 2016 g.)* [Penal system at the present stage: interaction of science and practice: proceedings of the International research and practice interagency conference (June 16–17, 2016)]. Samara, 2016. Pp. 515–516. (In Russ.).

10. Tsareva E.V. The problem of formation and development of empathic abilities among penal system employees. In: Speranskaya A.V., Rakitskaya O.N. (Eds.). *Aktual'nye problemy diagnostiki i razvitiya professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov UIS: sb. materialov nauch.-prakt. sem.* [Actual problems of diagnosis and development of professionally important qualities of employees of the UIS: collection of materials of the research and practice seminar]. Vologda, 2012. Pp. 84–91. (In Russ.).
11. Gridneva A.A., Vyskochkov V.S. Personal characteristics of the resilience of employees of the penal system. *Simvol nauki = Symbol of Science*, 2015, no. 5, pp. 249–251. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-harakteristiki-zhiznestoykosti-sotrudnikov-ugolovnoispolnitelnoy-sistemy/viewer> (In Russ.). (Accessed December 27.12.2022).
12. Leont'ev D.A. Rasskazova E.I. *Test zhiznestoikosti* [Test of resilience]. Moscow, 2006. 63 p.
13. Konyukhova T.V., Konyukhova E.T. Resilience of personality as a special pattern of attitudes to the development of socio-cultural space. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 322, no. 6, pp. 110–114. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА СПЕРАНСКАЯ – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, bersim@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDRA V. SPERANSKAYA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of General Psychology of the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, bersim@mail.ru

Статья поступила 10.01.2023

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.006

К вопросу о стратегиях поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в конфликтных ситуациях

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Аннотация. В настоящее время исследование и коррекция стратегий поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы выступают в качестве одной из узловых проблем, требующих своего решения как на уровне научно-методического обеспечения, так и на уровне внедрения практических знаний в работу пенитенциарных психологов с сотрудниками практических органов. Высокий уровень социальной напряженности и конфликтный характер межличностного взаимодействия между персоналом и лицами, содержащимися в местах лишения свободы, фрустрируют личность и дезорганизуют деятельность сотрудников СИЗО. Изучение и учет особенностей стратегий поведения в конфликтных ситуациях следует рассматривать как одно из важнейших направлений психологического сопровождения сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: сотрудники; стратегия поведения; межличностные конфликты; фрустрация; конфликтологическая компетентность.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Соболев Н. Г. К вопросу о стратегиях поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в конфликтных ситуациях // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 38–43. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.006.

Original article

Considering Behavior Strategies Applied by Russian Penal System Employees in Conflict Situations

NIKOLAI G. SOBOLEV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Abstract. Currently, the study and correction of behavior strategies of employees of the penitentiary system are among crucial problems to be solved both at the level of

scientific and methodological support and at the level of introducing practical knowledge into the work of penitentiary psychologists with employees of practical bodies. A high level of social tension and a conflicting nature of interpersonal interaction between staff and persons held in places of deprivation of liberty frustrate the personality and disorganize activities of the prison staff. The study and consideration of characteristics of behavior strategies in conflict situations should be considered as one of critical directions of psychological support for employees of the penal system.

Key words: employees; behavior strategy; interpersonal conflicts; frustration; conflictological competence.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Sobolev N.G. On the issue of strategies of behavior of employees of the penitentiary system of the Russian Federation in conflict situations. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 38–43. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.006.

Межличностные конфликты на современном этапе развития социума, безусловно, представляют собой один из самых часто встречающихся вариантов конфликтного поведения, с которым вынуждены сталкиваться практически каждый день в той или иной форме сотрудники уголовно-исполнительной системы. Отметим, что профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы напрямую связана с большими нервно-психическими нагрузками, перенапряжением, конфликтными ситуациями, необходимостью общения с различными категориями граждан, ориентированных на совершение противоправных действий [1, с. 3]. Следовательно, сотрудники СИЗО должны обладать конфликтологической компетентностью, навыками преодоления конфликтного противоборства, способностью противостоять деструктивным устремлениям со стороны граждан, содержащихся в СИЗО [2, с. 86]. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. прямо указывает на необходимость подготовки работников, способных обеспечить качественное функционирование органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в строгом соответствии с международными правилами обращения с осужденными [3].

Согласимся с позицией Н. В. Гришиной о том, что межличностный конфликт следует рассматривать как противостояние заинтересованных субъектов конфликтной ситуации взаимодействия, оцениваемое ими как настоящая психологическая проблема, которая требует своего преодоления и побуждает участвующие стороны к активности [4, с. 135]. Ситуации межличностного конфликта составляют естественную часть профессиональной деятельности сотрудников отдела режима СИЗО в условиях непосредственного взаимодействия с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в условиях социальной изоляции.

Целью нашего исследования выступило изучение особенностей стратегий поведения сотрудников СИЗО в конфликтных ситуациях. Оно было проведено на базе СИЗО-3 УФСИН России по Вологодской области. Общий объем выборки составил 40 человек (сформированы две экспериментальные группы по 20 сотрудников мужского и женского пола, реализующих профессиональную деятельность в условиях непосредственного взаимодействия с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в условиях социальной изоляции).

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности стратегий поведения в конфликтных ситуациях, нами была избрана «Методика рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга, ориентированная на изучение стратегий поведения субъекта в потенци-

ально конфликтной ситуации и имеющая стандартизованную процедуру обработки результатов [5, с. 386–408].

Далее более подробно рассмотрим результаты эмпирического исследования в первой и второй экспериментальных группах в ситуациях фрустрации. Результаты изучения направленности фрустрационных реакций представлены на рисунке:

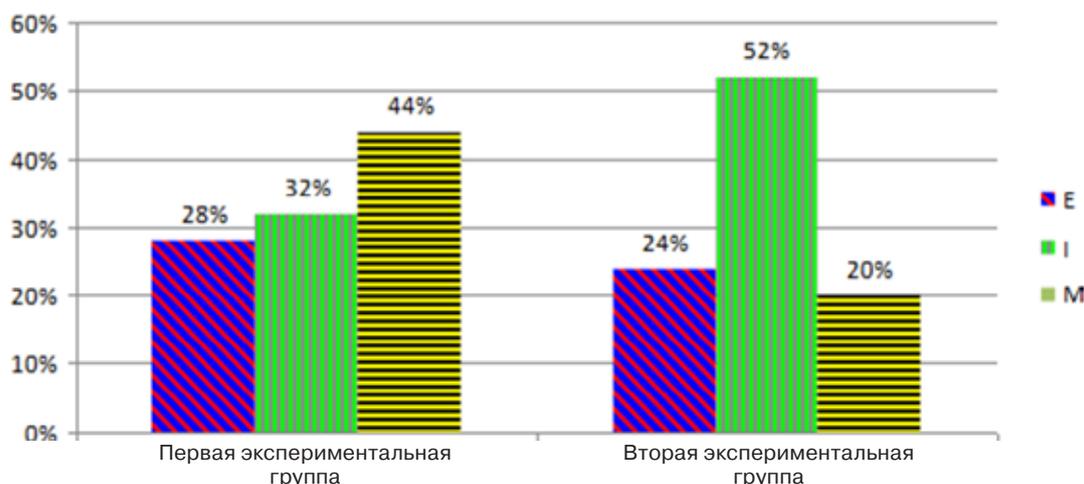

Рис. Направления фрустрационных реакций у респондентов, входящих в состав первой и второй экспериментальных групп, по «Методике рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга

Следует отметить, что сотрудники, включенные в первую группу, чаще всего в конфликтной ситуации предпочитают реакции по типу «М» – импунитивные (44 %), в отличие от сотрудников, включенных во вторую группу, для которых этот показатель составляет только 20 %. Возможно предположить, что сотрудники, включенные в первую группу, стремятся к критичному восприятию ситуаций служебного взаимодействия, предпочитая активному поведению в конфликте защитную тактику, ориентируясь на то, кто выступает субъектом противоборствующей стороны и какие могут быть последствия выхода из конфликта. Зачастую такая позиция базируется на суждении о том, что конфликтная ситуация может со временем быть обесценена участниками конфликта и разрешиться.

Респонденты, входящие в состав второй экспериментальной группы (52 %) и первой экспериментальной группы (32 %), во фрустрирующих ситуациях склонны использовать интрапунитивный тип реакции «I». Поэтому испытуемые, включенные во вторую экспериментальную группу, ориентированы на взвешенную, адекватную оценку собственных действий в ситуациях служебной деятельности, проявляют способность к самоконтролю и рефлексии, оказавшись в стрессовых ситуациях служебного взаимодействия. Они адекватно оценивают конфликты, в том числе возникающие при общении с коллегами или лицами, содержащимися в условиях социальной изоляции, стремясь при этом более ответственно относиться к организации и планированию социального взаимодействия.

При необходимости преодоления психологических барьеров в профессионально-служебной деятельности респонденты, включенные во вторую экспериментальную группу, преимущественно ориентированы на поиск выхода из конфликтной ситуации, зачастую находящейся в плоскости эмоциональных переживаний и в меньшей степени обусловленной смысловыми или мотивационными факторами.

Представляется, что наименьшие показатели, полученные по экстрапунитивному типу реакции «Е», среди респондентов, входящих в первую (28 %) и вторую (24 %) экспериментальные группы, свидетельствуют о том, что в стрессовых обстоятельствах эти лица склон-

ны открыто проявлять недовольство, озабоченность, гнев, вовлекать в свои переживания окружающих людей, ориентируясь на поиск смысловых или мотивационных факторов в качестве причин конфликтных ситуаций, участниками которых они являются.

Далее было выяснено, существуют ли статистически значимые различия между респондентами, входящими в состав первой и второй экспериментальных групп, по направленности реакций во фрустрирующих ситуациях с помощью Т-критерия Стьюдента (табл.).

Таблица

Сводная таблица средних значений у респондентов,
входящих в состав первой и второй экспериментальных групп,
по «Методике рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга

Фактор	Первая экспериментальная группа		Вторая экспериментальная группа		Значимость различий по Т-критерию Стьюдента
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	
Е	41	65	45	38	–
І	25	45	32	34	0,05
М	35	45	24	16	0,01

Статистические значимые различия по фактору «І» ($p \leq 0,05$) позволяют утверждать, что сотрудники из второй группы, оказавшись в ситуации конфликтного взаимодействия в процессе исполнения служебных обязанностей, преимущественно реагируют по типу принятия ответственности на себя, акцентируя внимание на неизбежности возникающих ситуаций, и поиска конструктивного решения проблемы.

Кроме того, можно отметить, что респонденты, входящие в состав первой экспериментальной группы (фактор «М» ($p \leq 0,01$)), оказавшись во фрустрирующей ситуации, склонны реагировать по типу импунитивных реакций, мотивированных преимущественно социально. При этом импунитивное поведение респондентов, включенных в первую группу, может быть реализовано либо посредством обесценивания предмета конфликта, либо через оправдание собственных поступков требованиями служебной необходимости или профессиональными обязанностями.

Итак, сотрудники мужского пола, реализующие профессиональную деятельность в условиях непосредственного взаимодействия с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, в конфликтных ситуациях преимущественно ориентированы на выбор таких стратегий импунитивного поведения, как настойчивость, контроль эмоций, сдержанность в межличностных контактах. Сотрудники же женского пола преимущественно ориентированы на выбор интрапунитивных реакций, что выражается в склонности приписывать ответственность за результативность межличностного взаимодействия самим себе и не дистанцироваться от устранения причин, породивших конфликтную ситуацию.

С учетом выявленных особенностей стратегий поведения в конфликтных ситуациях, характерных для сотрудников мужского и женского пола, представляется необходимым реализовать комплекс мероприятий, направленных, с одной стороны, на повышение профессионально-психологической компетентности персонала, а с другой – на создание требуемых условий для конструктивного межличностного взаимодействия с различными категориями граждан. В этой связи отметим, что сотруднику важно уметь конструктивно применять техники и приемы для разрешения и профилактики конфликтов. В процессе освоения различных техник раскрывается феноменология конфликта, прорабатываются характерологические установки субъекта и картина мировосприятия процесса общения как важнейшего социально-психологического явления.

Основываясь на выявленной в нашем исследовании предрасположенности сотрудников мужского пола отдела режима СИЗО к выбору импунитивной стратегии поведения в конфликте, считаем возможным предложить в рамках организации их психологического сопровождения использование рефлексивного тренинга. Целью проведения рефлексивного тренинга с сотрудниками мужского пола является развитие возможностей осознания субъектом себя и своей ситуации извне, с позиции наблюдателя, а также умения более качественно интерпретировать причины поступков других людей, понимать их психическое состояние и чувства. Задачами рефлексивного тренинга могут выступать:

- 1) развитие навыков рефлексии – осознание своих переживаний, чувств, поступков;
- 2) выработка или коррекция навыков осознанного управления поведением в конфликтных ситуациях;
- 3) развитие чувства интернальности, ответственности за происходящее с собой (интернальность осуществляется на основе сложной структуры контроля и предполагает гибкое использование оптимальных атрибутивных стратегий в процессе принятия решений в конфликтных ситуациях);
- 4) развитие представлений о содержании и механизмах формирования конфликтов и их предупреждения в условиях СИЗО.

Представляется, что, используя возможности психологического (конфликтологического) консультирования при организации психологического сопровождения сотрудников женского пола отдела режима СИЗО, необходимо учитывать их ориентированность на выбор интрапунитивных реакций и факторов при поиске выхода из ситуации конфликта. Это требует, с одной стороны, учета личностных особенностей респондентов и объективного анализа ситуации, а с другой – субъективной интерпретации происходящего. Вступление в конфликт зачастую рассматривается сотрудником через субъективное ощущение неразрешимости ситуации, что, в свою очередь, является обязательным условием его дальнейшего развития по пути напряжения и эскалации. В этой связи невозможность классификации сотрудником фрустрационной ситуации по степени важности и опасности может являться следствием наличия иррациональной установки. Вероятно, интрапунитивный тип реагирования коррелирует с уровнем рациональной оценки себя, своих возможностей и ресурсов по преодолению конфликта.

В целях повышения конфликтологической компетентности данной категории сотрудников посредством выработки навыков объективной оценки конфликтной ситуации и оппонента следует учитывать уровень рациональности при принятии решений, так как выявлена положительная связь рациональности с проявлением соперничества в конфликтном взаимодействии [6, с. 264]. В случае недостаточно высокого уровня рациональности и наличия установки долженствования, характерной для интрапунитивного типа реагирования в большей мере в отношении себя, чем в отношении других, более вероятен уклон в конфронтационное взаимодействие без достаточного стремления отстаивать собственные интересы в целях конструктивного разрешения затруднительной ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пашукова А. Д. Формирование профессиональной компетентности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний в системе служебной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2022. 25 с.
2. Зарубин С. П. Теоретические основы возникновения и разрешения конфликтов в следственных изоляторах // Человек: преступление и наказание. 2009. № 3 (66). С. 86–88.
3. Об утверждении концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от

29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.

4. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2008. 544 с.

5. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие. Самара, 1998. 672 с.

6. Литвин В. В., Таллибулина М. Т. Стратегии поведения личности в конфликте и их связь с когнитивными установками и стилем принятия решений // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Педагогика. Психология». 2022. № 3. С. 256–267.

REFERENCES

1. Pashukova A.D. *Formirovanie professional'noi kompetentnosti sotrudnikov Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii v sisteme sluzhebnoi podgotovki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of professional competence of employees of the Federal Penitentiary Service in the system of service training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ryazan, 2022. 25 p.
2. Zarubin S.P. Theoretical foundations of the emergence and resolution of conflicts in pre-trial detention facilities. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2009, no. 3 (66), pp. 86–88. (In Russ.).
3. On approval of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 20. Art. 3,397. (In Russ.).
4. Grishina N.V. *Psikhologiya konflikta* [Psychology of conflict]. Saint Petersburg, 2008. 544 p.
5. Raigorodskii D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy: ucheb. posobie* [Practical psychodiagnosics. Methods and tests: teaching aid]. Samara, 1998. 672 p.
6. Litvin V.V., Tallibulina M.T. Conflict behavior strategies in relation to cognitive attitudes and decision-making style. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Pedagogika. Psikhologiya"* = *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Pedagogy. Psychology*, 2022, no. 3, pp. 256–267. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKOLAI G. SOBOLEV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher at the Department for the Development of Methodologies for Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for the Study of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Статья поступила 29.11.2022

Научная статья

УДК 336.273 (47+57)“1813/1815”

doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.007

К вопросу о финансировании заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

ОЛЕГ ВАЛЕРИЕВИЧ БАЕВ

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Пушкин, Россия, baev-ov@rambler.ru

Аннотация. В статье получены раскрыты экономические и внешнеполитические аспекты финансирования заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. Коалиционные войны начала XIX в. велись с использованием союзниками разнообразных ресурсов, которыми участники антифранцузских коалиций располагали в неодинаковой степени. В частности, Российская империя, имея относительно многочисленную армию, столкнулась с трудностями при финансировании боевых действий, особенно за пределами своей территории. Решением этой проблемы стали субсидии, полученные от Британской империи, и контрибуции от Франции.

Ключевые слова: Россия; заграничные походы; внешний долг; Франция; Англия.

5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Баев О. В. К вопросу о финансировании заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 44–48. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.007.

Original article

On the Issue of Financing Foreign Campaigns of the Russian Army in 1813–1814

OLEG V. BAEV

A.S. Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia, baev-ov@rambler.ru

Abstract. The article reveals economic and foreign policy aspects of financing foreign campaigns of the Russian army in 1813–1814. The coalition wars of the beginning of the 19th century were waged with the use of various resources by the allies, which the participants of the anti-French coalitions had to varying degrees. In particular, the Russian Empire, having a relatively large army, faced difficulties in financing military operations, especially outside its territory. The solution to this problem was subsidies received from the British Empire and contributions from France.

Key words: Russia; foreign campaigns; foreign debt; France; England.

5.6.1. Domestic history.

For citation: Baev O.V. On the issue of financing foreign campaigns of the Russian Army in 1813–1814. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 44–48. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.007.

Финансирование военных расходов в условиях боевых действий за пределами национальных границ является интересным сюжетом как для исторической, так и для экономической науки. В то же время эта проблема применительно к заграничным походам русской армии 1813–1814 гг. пока не получила достаточного освещения. Имеющиеся работы ограничиваются рассмотрением внешнеполитических, дипломатических, военных аспектов данного процесса. Исследование же финансовой стороны событий позволит точнее оценить их значение и для России, и для Запада.

К концу 1812 г. исход Отечественной войны был предрешен, и встал вопрос о продолжении боевых действий за границами России. И если внутри империи финансирование военных расходов могло осуществляться за счет эмиссии ассигнаций, то вне ее пределов это было невозможно. Вместе с тем к тому моменту имелся опыт получения субсидий от Англии в конце XVIII – начале XIX вв.

Еще одной проблемой была необходимость обслуживания уже имеющегося внешнего голландского долга. В 1813 г. по государственной росписи доходов и расходов на платеж всех долгов было ассигновано 31 172 704 руб. 96 коп. [1, с. 225], в том числе по внешним займам – 10 237 498 руб. 91 коп. [2, с. 178]. В 1814 г. на выплату долгов было ассигновано 21 384 043 руб. 1¼ коп. [1, с. 238], из которых на закрытие долга по голландскому займу за 1811 г. было направлено 1 600 000 руб. и «кроме того» 1 756 882 руб. 29 коп., а всего 3 356 882 руб. 29 коп. [2, с. 179].

Для финансирования военных расходов министр финансов Д. А. Гурьев предлагал сделать заем в металлической валюте, но более практичный граф А. А. Аракчеев указал, что надо добиваться субсидий от Англии [3, с. 416]. Комитет финансов 9 декабря 1812 г. согласился с Аракчеевым, так как последующие выплаты по займу были чреватые подавлением вексельного курса и усилением невыгодности торгового баланса, и принял решение просить у Великобритании на следующий год 7 млн фунтов стерлингов, потому что «кроме Англии негде искать такового вспоможения» [4, с. 628, 629], а ее «собственная безопасность и польза нераздельно сопряжены с успешным окончанием войны» [5, с. 48].

В начале 1813 г. Александр I поручил послу в Лондоне А. Х. Ливену выяснить точку зрения британского правительства по вопросу о финансовом содействии России в освобождении Европы, так как за пределами России невозможно было оплачивать расходы бумажными деньгами [6, с. 37]. В частности, по конвенции с прусским правительством от 27.03(08.04).1813 за доставляемое для российских войск продовольствие можно было платить только ¼ государственными ассигнациями, а ¾ – хлебом и квитанциями [5, с. 83]. При этом секретный комитет финансов на заседании 26 апреля 1813 г. констатировал, что использование ассигнаций за границей приводило к падению их курса на 30 % (Рос. гос. ист. арх. Ф. 557. Оп. 2. Д. 177. Л. 46 об.). Ливен был уполномочен заключить соглашение на сумму около 4 млн фунтов стерлингов, из которых одна половина должна была быть выплачена деньгами, а вторая – в форме поставок вооружения и обмундирования [6, с. 39].

К началу мая Ливен сообщил в Петербург о готовности английского правительства принять участие в содержании русских войск за границей в 1813 г. в сумме 1 333 334 фунтов стерлингов деньгами, 1 666 666 фунтов стерлингов федеративными бумагами и путем гарантии федеративных бумаг еще на 1 666 666 фунтов стерлингов, за которые Россия долж-

на будет заплатить в июле 1815 г. или по заключении мира. Таким образом, из недостающих на содержание войск за границей 120 млн руб. 70 млн руб. были бы обеспечены. В связи с этим секретный комитет финансов на заседании 8 мая 1813 г. отказался от идеи отсрочки выдачи жалованья войскам (Рос. гос. ист. арх. Ф. 557. Оп 2. Д. 177. Л. 63–64).

Переданные союзникам «предложения Англии были столь выгодны, что не могло быть и речи об отклонении их, так что конвенция была заключена скоро» [7, с. 556]. 3 (15) июня 1813 г. между Россией и Великобританией была заключена конвенция о субсидиях и союзной помощи, в соответствии с которой Россия продолжала активные военные операции против общего врага войсками в количестве не менее 160 тыс. чел, а Англия до 1 января выплачивала 1 333 334 фунтов стерлингов и содержала русский флот, находящийся в великобританских портах (500 000 фунтов стерлингов). Кроме того, Россия получала в свое распоряжение $\frac{2}{3}$ от выпускаемых федеративных бумаг на общую сумму в 5 млн фунтов стерлингов для содержания войск в Пруссии. Половину их должна была после 1 июля 1815 г. погасить Англия [6, с. 253]. Эта операция была оформлена 18 (30) сентября 1813 г. подписанием англо-русской конвенции о выпуске Англией в течение 15 месяцев особых кредитных билетов на 2,5 млн фунтов стерлингов, из которых $\frac{3}{4}$ передавалось России [6, с. 386].

24 июня (6 июля) 1813 г. была заключена англо-русская конвенция о содержании «германского легиона», в соответствии с которой Россия брала на себя заботу о пополнении легиона до 10 тыс. чел., а Великобритания выплачивала ей по 10 фунтов стерлингов 15 шиллингов в год на каждого «строевого человека» [6, с. 281]. Также в 1813 г. Россия получила от Англии 150 000 ружей, 50 000 патронташей, 58 осадных орудий с боеприпасами и другое военное снаряжение [6, с. 684]. Я. Шедивы писал: «Россия и Пруссия воевали. Англичане им платили... Им требовалась спокойная Европа как хороший торговый партнер, который не станет препятствовать коммерции и априори признает английское морское владычество. Потому они и финансировали русского царя и его армию» [8, с. 170, 187].

Правда, решение Великобритании выплачивать субсидии в Лондоне привело к тому, что векселя при оплате их континентальными банками теряли до трети номинальной стоимости [8, с. 216]. 1 февраля 1814 г. М. Б. Барклай-де-Толли уведомил министра финансов, что способ доставления сумм на армейские расходы из английских субсидий не соответствует армейским нуждам, так как средства доходят не полностью и с большими задержками (Рос. гос. ист. арх. Ф. 563. Оп. 2. Д. 3. Л. 12 об.). Кроме того, на время действия Плейсвицкого перемирия выплата субсидий была приостановлена [6, с. 349]. «В сложной ситуации Лондон в полной мере использовал все имеющиеся в его распоряжении возможности, чтобы добиться от союзников продолжения непримиримой борьбы с Францией» [9, с. 267].

При этом к решению более широких экономических проблем России Великобритания, судя по всему, относилась более равнодушно. Так, в конце 1813 г. Д. А. Гурьев поставил вопрос об открытии в Англии займа для изъятия из обращения кредитных билетов, объясняя это следующим образом: «Для достижения цели, к которой Англия должна стремиться не меньше нас, е. в-во император затратил такие усилия и принес такие жертвы, которые исчерпали финансовые возможности его подданных» [6, с. 430, 431]. Однако сведений о предоставлении такого займа нет.

Всего в течение 1813 г. Россия получила на военные расходы от английского правительства 1 007 500 фунтов стерлингов [9, с. 273] (недостачу обещанного по конвенции восполнили только к маю 1814 г. [6, с. 684]), в 1814 г. – 2 500 000 фунтов стерлингов 12 шиллингов (46 550 251 руб. 61¼ коп.) [1, с. 478, 487], в 1815 г. – 50 257 644 руб. [3, с. 415]. Таким образом, самые крупные суммы по этим субсидиям были предоставлены лишь после 1813 г. Всего Россия получила в 1813–1816 гг. английских субсидий на 6 628 052 фунтов стерлингов [10, с. 193, 202].

Такое финансирование военных расходов без использования займов вызвало одобрение современников, в частности графа А. И. Рибопьера: «Он <Гурьев> ввел полезные реформы и вынес вся тяготу 1811, 1812 и 1813 годов, не заключая нового займа и не налагая новых налогов» [11, с. 5].

Необходимо отметить, что Великобритания из более чем 61 млн фунтов стерлингов финансовой помощи континентальным союзникам получила обратно только 2,6 млн, а от всех остальных добровольно отказалась [12, с. 57, 58]. Таким образом, можно согласиться с Л. П. Марней в том, что «иностранный задолженность российской казны также стала формой субсидирования участия царского правительства в войнах против революционной Франции и Наполеона» [13, с. 207].

Еще одним источником финансирования военных расходов стало получение денег от французского правительства. По конвенции от 28.05.1814 было получено 8 333 333 франка 33 сантимата, соответствующих 7 476 243 руб. 73 коп. [1, с. 487, 488]. А 8 (20) ноября 1815 г. в Париже был подписан протокол о распределении контрибуции, наложенной союзниками на Францию, в соответствии с которым Россия должна была получить 100 млн франков из общей суммы в 750 млн [14, с. 125]. И уже в 1815 г. от Франции поступило 337 тыс. руб. (356,4 тыс. франков) [15, с. 40].

Таким образом, финансирование Россией заграничных походов 1813–1814 гг. можно считать примером относительно эффективного решения хотя бы экономических проблем, связанных с данным процессом. Пользуясь своим внешнеполитическим положением, российское правительство смогло переложить бремя расходов на заинтересованные стороны и побежденного противника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 45: Финансовые документы царствования императора Александра I. СПб., 1885. 623 с.
2. Бржеский Н. К. Государственные долги России. СПб., 1884. 284 с.
3. Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. 586 с.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы Рос. м-ва иностр. дел. Т. 6: 1811–1812 гг. М., 1962. 866 с.
5. Секретные официальные сведения о положении наших финансов в 1813 г. и об изыскании средств к продолжению военных действий в чужих краях // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения СЕИВК. Вып. 1. Отдел второй. СПб., 1876. С. 45–91.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы Рос. м-ва иностр. дел. Т. 7: Январь 1813 г. – май 1814 г. М., 1970. 872 с.
7. Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Русский вестник. 1865. Т. 59, № 10. С. 519–568.
8. Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. 263 с.
9. Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона: российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. 366 с.
10. Кауфман И. И. Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. Кн. 1. С. 184–218.
11. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 2. Вып. 5. С. 5–36.
12. Моультон Г., Позвольский Л. Военные долги. М. ; Л., 1933. 306 с.
13. Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009. 270 с.
14. Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1: От Французской Революции до империалистической войны. М., 1925. 441 с.
15. Бутков Д. А. История финансов СССР. Финансы Российской империи в XVIII и первой половине XIX столетий. М., 1944. 48 с.

REFERENCES

1. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 45: Finansovye dokumenty tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 45: Financial documents of the reign of Emperor Alexander 1]. Saint Petersburg, 1885. 623 p.
2. Brzheshkii N.K. *Gosudarstvennye dolgi Rossii* [State debts of Russia]. Saint Petersburg, 1884. 284 p.
3. Skal'kovskii K.A. *Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deyateli* [Our state and public figures]. Saint Petersburg, 1890. 586 p.
4. *Vneshnyaya politika Rossii 19 i nachala 20 veka: dokumenty Ros. m-va inostr. del. T. 6: 1811–1812 gg.* [Foreign policy of Russia of the 19th and the beginning of the 20th century: documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs Vol. 6: 1811–1812]. Moscow, 1962. 866 p.
5. Secret official information about the state of our finances in 1813 and about finding funds to continue military operations in foreign lands. In: *Sbornik istoricheskikh materialov, izvlechennykh iz arkhiva Pervogo otdeleniya SEIVK. Vyp. 1. Otdel vtoroi* [Collection of historical materials extracted from the archive of the First Branch of the SEIVK. Issue 1. Section Two]. Saint Petersburg, 1876. Pp. 45–91. (In Russ.).
6. *Vneshnyaya politika Rossii 19 i nachala 20 veka: dokumenty Ros. m-va inostr. del. T. 7: Yanvar' 1813 g. – mai 1814 g.* [Foreign policy of Russia of the 19th and the beginning of the 20th century: documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Volume 7: January 1813 – May 1814]. Moscow, 1970. 872 p.
7. Notes of Count Karl Vasilyevich Nesselrode. *Russkii vestnik = Russian Bulletin*, 1865, vol. 59, no. 10, pp. 519–568. (In Russ.).
8. Shedivy Ya. *Metternikh protiv Napoleona* [Metternich vs Napoleon]. Moscow, 1991. 263 p.
9. Orlov A.A. *Soyuz Peterburga i Londona: rossiisko-britanskie otnosheniya v epokhu napoleonovskikh voyn* [The Union of Saint Petersburg and London: Russian-British relations in the era of the Napoleonic Wars]. Moscow, 2005. 366 p.
10. Kaufman I.I. State debts of Russia. In: *Vestnik Evropy. Kn. 1.* [Bulletin of Europe. Book 1]. 1885. Pp. 184–218. (In Russ.).
11. Notes of Count Alexander Ivanovich Ribopierre. In: *Russkii arkhiv. Kn. 2. Vyp. 5* [Russian Archive. Book 2. Issue 5]. 1877. Pp. 5–36. (In Russ.).
12. Moul'ton G., Pozvol'skii L. *Voennye dolgi* [Military debts]. Moscow; Leningrad, 1933. 306 p.
13. Marnei L.P. D.A. *Gur'ev i finansovaya politika Rossii v nachale 19 v.* [D.A. Guryev and the financial policy of Russia at the beginning of the 19th century]. Moscow, 2009. 270 p.
14. Klyuchnikov Yu.V., Sabanin A.V. *Mezhdunarodnaya politika noveishego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiyakh. Ch. 1: Ot Frantsuzskoi Revolyutsii do imperialisticheskoi voyny* [Modern international politics in treaties, notes and declarations. Part 1: From the French Revolution to the Imperialist War]. Moscow, 1925. 441 p.
15. Butkov D.A. *Istoriya finansov SSSR. Finansy Rossiiskoi imperii v 18 i pervoi polovine 19 stoletii* [History of finance of the USSR. Finances of the Russian Empire in the 18th and the first half of the 19th centuries]. Moscow, 1944. 48 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЕГ ВАЛЕРИЕВИЧ БАЕВ – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Пушкин, Россия, baev-ov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OLEG V. BAEV – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, associate professor at the Department of Humanities and Natural Sciences of the Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia, baev-ov@rambler.ru

Статья поступила 14.02.2023

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.008

Строительство учреждений пенитенциарной системы Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв.

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА ЛЕМЕХОВА

Государственный архив Вологодской области, Вологда, Россия,
tanyalemehova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены описание и характеристика основных строительных объектов пенитенциарной системы Вологодской губернии конца XIX – начала XX вв. На основе проектно-технических материалов (проектов, планов и чертежей зданий) и организационно-распорядительных документов, сохранившихся в фондах Государственного архива Вологодской области, выявляются и обобщаются главные особенности и отличительные черты возведения, переустройства и ремонта тюремных учреждений дореволюционного периода.

Ключевые слова: строительство; пенитенциарная система; пенитенциарные учреждения; тюрьмы; тюремные замки; заключенные; Вологодская губерния.

5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Лемехова Т. Л. Строительство учреждений пенитенциарной системы Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 49–60. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.008.

Original article

Construction of Penitentiary Institutions in the Vologda Province in the Late 19th and Early 20th Centuries

TAT'YANA L. LEMEKHOVA

State Archive of the Vologda Oblast, Vologda, Russia, tanyalemehova@
yandex.ru

Abstract. The article describes and characterizes key construction facilities of the Vologda province penitentiary system of the late 19th and early 20th centuries. On the basis of design and technical materials (projects, plans and drawings of buildings) and organizational and administrative documents preserved in the funds of the State Archive of the Vologda Oblast, key characteristics and distinctive features of the construction, reconstruction and repair of pre-revolutionary prison institutions are identified and summarized.

Key words: construction; penitentiary system; penitentiary institutions; prisons; prison locks; prisoners; Vologda province.

5.6.1. Domestic history.

For citation: Lemekhova T.L. Construction of penitentiary institutions in the Vologda Province in the late 19th and early 20th centuries. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 49–60. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.008.

Строительство тюремных учреждений всегда являлось одной из самых важных задач государства в пенитенциарной сфере. От возведения и обустройства зданий мест заключения во многом зависит не только обеспечение безопасных условий жизни лиц, отбывающих наказание, и персонала тюрем, но и осуществление ключевых целей уголовного законодательства – исправления осужденных и предупреждения новых преступлений.

Значимость исследования обусловлена, прежде всего, незначительной изученностью процессов проектирования и строительства пенитенциарных учреждений Вологодской губернии, на примере которых становится возможным проследить основные особенности архитектуры мест заключения российского государства рубежа XIX – XX вв.

В современной историографии, посвященной изучению пенитенциарной системы, исследуемый вопрос не нашел достаточного отражения. Тем не менее среди ряда научных работ, затрагивающих важные аспекты тюремного дела, стоит выделить труды Л. Ф. Пертли «Тюремная политика Российской империи (1879–1917 годы)» [1], Н. Д. Гомонова, П. П. Пирогова и др. «Тюремная реформа второй половины XIX века и вопросы кадрового обеспечения мест лишения свободы в Российской империи» [2]. В них анализируются аспекты пенитенциарной политики, напрямую влиявшие на развитие и организацию системы мест заключения. Коллективный труд «Вологда в минувшем тысячелетии: памятники истории и культуры» содержит ценные сведения об истории тюремных учреждений г. Вологды [3].

Основными источниками исследования стали архивные материалы, сосредоточенные в фондах Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО). В частности, в фонде № 14 «Вологодское губернское правление» сохранились такие виды документов, как проекты, планы и чертежи зданий и сооружений пенитенциарной системы Вологодской губернии. Данные документальные источники обладают ценным свойством наглядности, позволяющим получить точное представление о главных принципах и характерных особенностях возведения тюремных объектов. Помимо проектно-технических документов в фонде содержатся материалы, предоставляющие информацию об этапах строительства и переустройства зданий, например циркуляры, отчеты, письма распорядительных органов. Фонды № 18 «Канцелярия вологодского губернатора», № 111 «Вологодская губернская тюремная инспекция», № 112 «Вологодский губернский тюремный комитет» включают сведения о состоянии и порядке содержания мест заключения, инструкции по строительству, сопроводительные письма к проектным материалам.

Следует упомянуть и об организационно-распорядительных документах конца XIX – начала XX вв. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части, изданный в 1894 г., содержит основные положения об управлении пенитенциарными учреждениями [4]. Издание «Отчет о деятельности Вологодской губернской тюремной инспекции за 1912 год» является своеобразным справочником, в котором получили отражение все направления тюремной политики на местном уровне [5].

Одним из знаковых событий рассматриваемого времени стало реформирование пенитенциарной системы, продиктованное необходимостью централизации управления исправительными учреждениями. Основополагающую роль сыграло создание в 1879 г. «для заведывания тюремной частью гражданского ведомства» такого органа, как Государственное тюремное управление (далее – ГТУ), за время своего функционирования выпустившего

немало циркуляров и инструкций, касавшихся организации строительства мест заключения [4, с. 1]. Руководство исправительными учреждениями на уровне губерний осуществляли тюремные инспекции, обладавшие ревизионными полномочиями, «дабы иметь непрестанный надзор за правильными выполнениями администрацией всех тюрем губернии существующих законоположений по тюремной части» [5, с. 5]. Новые органы управления, приняв в свое ведение пенитенциарные учреждения, находившиеся на тот момент в неудовлетворительном, дезорганизованном состоянии, немедленно приступили к постройке новых и переустройству уже существующих зданий. В итоге строительство тюрем достигло своего пика к концу XIX в. и продолжило набирать обороты вплоть до 1917 г. [1, с. 30].

Основными видами мест заключения в провинции дореволюционного периода являлись губернские и уездные тюрьмы. Последние учреждались обычно на два близлежащих уезда с расчетом на размещение в них нескольких десятков человек. В более же крупных губернских пенитенциарных учреждениях предусматривалось более сотни мест [1, с. 30].

Тюремная система Вологодской губернии к концу XIX в. включала одиннадцать мест заключения: девять в уездных городах и два губернских, расположенных в г. Вологде, а также тюрьму общего устройства и исправительное арестантское отделение (табл. 1).

Таблица 1

Пенитенциарные учреждения Вологодской губернии на 1883 г.

Город	Наименование учреждения
Вологда	Вологодская губернская тюрьма (тюремный замок) Вологодское исправительное арестантское отделение
Кадников	Тюремный замок (здание каменное)
Грязовец	Тюремный замок (здание каменное)
Вельск	Тюремный замок (здание каменное)
Великий Устюг	Тюремный замок (здание каменное)
Тотьма	Тюрьма, расположенная в здании присутственных мест (здание каменное)
Никольск	Тюремный замок (здание деревянное)
Сольвычегодск	Тюрьма, расположенная в здании присутственных мест (здание каменное)
Усть-Сысольск	Тюремный замок (здание деревянное)
Яренск	Тюремный замок (здание деревянное)

Составлено по: ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3059. Л. 83–87.

Стоит подчеркнуть, что исправительные заведения действовали во всех городах Вологодской губернии без исключения, находясь в большинстве случаев в отдельных, специально предназначенных для них зданиях. Согласно отчету Вологодского попечительного общества о тюрьмах лишь в Тотьме и Сольвычегодске не имелось обособленных мест заключения, а соответствующие помещения располагались при учреждениях присутственных мест наряду с еще несколькими казенными конторами (ГАВО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 141. Л. 1). Можно предположить, что размещение тюрем в зданиях государственных органов, в число которых, как правило, входили полицейские управления и уездные суды с канцелярией, объяснялось стремлением властей организовать своего рода единый административно-правовой центр, связывающий воедино все элементы системы судопроизводства.

Самыми значительными пенитенциарными учреждениями в российских регионах считались губернские тюрьмы. В фондах ГАВО среди всего многообразия плановой документации сохранились типовые проекты строительства мест заключения, в том числе и чертежи так называемого губернского тюремного замка. Данные документы, отличаясь скрупулезным подходом к описанию всех ступеней архитектурного решения, включают

изображения фасадов, а также планы четырех этажей и подвального помещения здания (ГАВО. Ф. 14. Д. 58. Л. 1–7). Проект предусматривает разделение тюрьмы на несколько корпусов: административный, отделений одиночного и общего заключения. При этом довольно подробно описано расположение различных сопутствующих помещений, предназначенных для организации бытовых условий: кухни, столовых, кладовых, цейхгаузов (комнат для хранения военной амуниции), ванной, прачечной и т. д. Примечательно, что наряду с основными и подсобными отделениями немаловажная роль отводилась устройству лазарета для лечения заболевших арестантов, а также мастерских для выполнения заключенными различных категорий работ (ГАВО. Ф. 14. Д. 58. Л. 1). Чертеж фасада тюремного замка демонстрирует массивное сооружение с башнями, обнесенное высоким ограждением, по своему внешнему виду во многом напоминающее средневековые оборонительные крепости (ГАВО. Ф. 14. Д. 58. Л. 5).

Примером воплощения типового проекта можно считать здания старейшего учреждения пенитенциарной системы Вологодчины – губернской тюрьмы, дата строительства главного корпуса которой приходится на 1824 г. [5, с. 22]. Сооружение ряда дополнительных строений в течение последующих десятилетий постепенно привело к возникновению целого комплекса построек тюремного замка. Ряд проектных документов, наглядно иллюстрирующих данный процесс, можно разделить на несколько категорий: планы внутренних помещений замка, генеральные планы с обозначением построек на местности, изображения фасадов основных и дополнительных зданий. В числе наиболее значимых и интересных материалов следует назвать чертежи, показывающие планировку трех этажей главного и административного отделений. На первом этаже основного корпуса размещались мастерские (портняжная, сапожная, ткацкая, столярная и др.), а также кухня и хлебопекарня, на втором – камеры заключения, больничное помещение, церковь. На третьем этаже, помимо арестантских камер, находились комната надзирателей и церковные хоры (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 16).

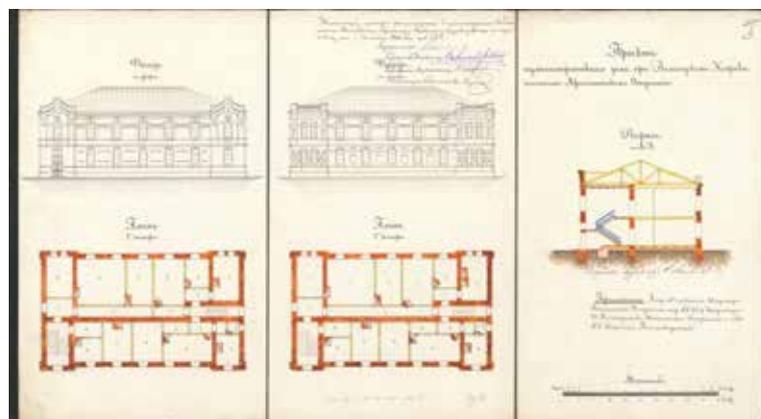

Фото 2. Проект административного корпуса Вологодского исправительного арестантского отделения. 1901 г.
ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 3.

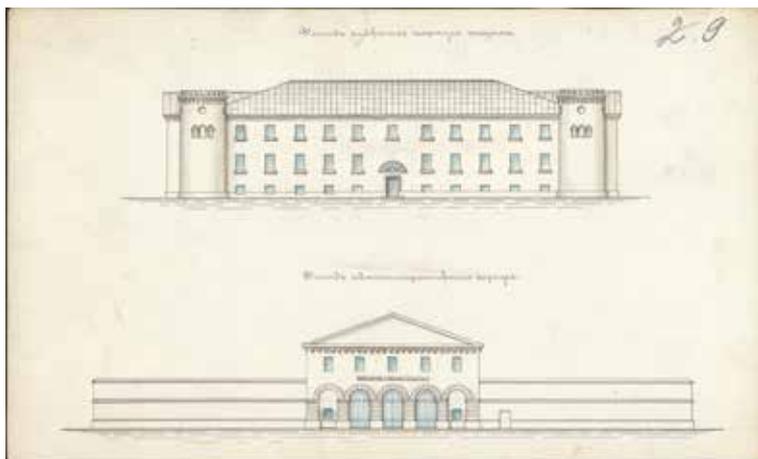

Фото 1. Чертежи фасадов главного и административного корпусов Вологодской губернской тюрьмы. Начало XX в.
ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 9

Генеральный план Вологодского тюремного замка дает представление о расположении группы зданий относительно окружающей местности. По рассмотрению документа можно сделать вывод о подчиненности архитектуры строений принципу централизации, означающему расположение вспомогательных построек вокруг главного корпуса (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 16).

Генеральный план Вологодского тюремного замка дает представление о расположении группы зданий относительно окружающей местности. По рассмотрению документа можно сделать вывод о подчиненности архитектуры строений принципу централизации, означающему расположение вспомогательных построек вокруг главного корпуса (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 16).

Л. 6). В комплекс подсобных помещений входили разнообразные строения, предназначенные для хозяйственных нужд и располагавшиеся на дворовой территории. Например, на чертеже так называемых деревянных служб, построенных в 1888 г., представлены изображения хозяйственно-бытовых построек: конюшни, каретника и погреба (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 14). Свидетельством продуманности всех необходимых бытовых деталей служит проект ледника – небольшого сооружения, предназначенного для хранения льда (преимущественно в лечебных целях) и продовольственных запасов (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 5).

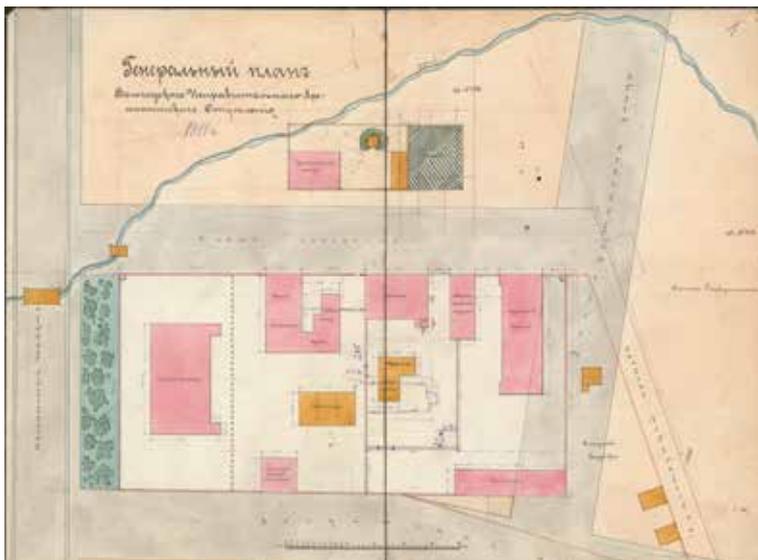

Фото 3. Генеральный план Вологодского исправительного арестантского отделения. [1911 г.].
ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 28. Л. 1.

Одним из требований при строительстве тюрем на рубеже XIX – XX вв. было вынесение помещений для женщин и несовершеннолетних в отдельные здания [1, с. 30]. Вероятно, данное обстоятельство стало основной причиной устройства при губернской тюрьме одноэтажного флигеля для арестанток и их детей. На планах 1899 г. присутствуют схематические изображения камер заключения, детского приюта, лазарета, комнаты для надзирательницы (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 2, 3). Отличием окончательного проекта женского корпуса, утвержденного в 1907 г., явилось отсутствие на плане внутренних помещений предусмотренного изначально детского отделения (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 26. Л. 1). Нельзя не обратить внимание и на то, что фасады главного и административного корпусов Вологодской губернской тюрьмы начала XX в. при безупречном исполнении их чертежей являются прекрасным образцом впечатляющей архитектуры мест заключения (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 22. Л. 8, 9).

По данным отчета о деятельности Вологодской тюремной инспекции, группу построек губернской тюрьмы на 1912 г. составляли каменное трехэтажное здание главного отделения, в котором помимо камер заключения на 474 чел. размещались практически все необходимые хозяйственно-бытовые помещения, административный корпус, а также женский флигель и банное отделение [5, с. 22].

Следующим ярким образцом тюремных построек г. Вологды является комплекс зданий Вологодского исправительного арестантского отделения, возведенный в 1850-х гг. [5, с. 20]. Согласно Уставу о содержащихся под стражей 1890 г. в арестантские учреждения помещались по приговору суда исключительно лица мужского пола в возрасте от семнадцати до шестидесяти лет, «не изъятые по правам состояния от наказаний телесных» и «способные к выполнению тюремных работ» [4, с. 210, 211]. История рассматриваемого строения вызывает интерес по причине кардинальной смены его первоначального назначения. Самое раннее название группы сооружений – Архангельские казармы. Изначально они строились для расположения местных войск губернского батальона. В 1880 г. начальник ГТУ обратился к вологодскому губернатору с просьбой о приспособлении зданий воинских частей к устройству в них исправительного арестантского отделения. Предложение использовать помещения казарм преследовало цель скорей-

шего и не слишком затратного увеличения числа мест заключения (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3062. Л. 1).

Вскоре проект переустройства Архангельских казарм, составленный в соответствии с рекомендациями ГТУ о как можно большем удешевлении строительных работ, был утвержден Вологодским губернским правлением (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3062. Л. 11, 12). Основная особенность перестройки заключалась в стремлении к максимальному использованию уже имеющихся помещений. Так, за счет сокращения числа мастерских, необходимых для организации труда заключенных, произошло увеличение свободных площадей главного корпуса отделения, задействованных для устройства дополнительных камер. В одном из флигелей тюремного комплекса расположилась больница, во втором – баня и комната для свиданий (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3062. Л. 7, 8, 8 об). Уже в сентябре 1882 г. работы по обустройству группы тюремных строений были завершены, свидетельством чего стал отчет губернского инженера об успешной реконструкции основного корпуса, административного, банного и больничного отделений (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3132. Л. 59). Посетивший обновленные здания губернатор отмечал: «Главный корпус весьма просторен, камеры общего заключения просторны, светлы и высоки, мастерские тоже» (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3133. Л. 49).

Практически сразу после переустройства зданий возникла потребность в строительстве новых для обеспечения должных условий работы административного аппарата и тюремного персонала, а также организации бытовой составляющей жизнедеятельности учреждения. О постепенном расширении комплекса сооружений исправительного арестантского отделения в последующие годы можно судить по детальной проектно-плановой документации. Согласно составленным чертежам несколько тюремных зданий было приспособлено для обустройства квартир надзирателей. Например, проект строительства особого флигеля для устройства общего жилья тюремной стражи предусматривал планировку двух комнат, рассчитанных на проживание шестнадцати человек (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 1). Кроме того, в одном из находившихся на территории арестантского отделения строений помимо кабинета начальника учреждения располагались квартиры для женатых и холостых надзирателей, различные по площади и расположению (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 4).

Весьма масштабным строением, возведенным в 1903 г. и предназначенным для проживания руководящего состава отделения, стал двухэтажный административный корпус. Согласно проекту здания весь второй этаж занимали просторные жилища начальника тюрьмы и его заместителя, на первом этаже располагались три квартиры нижестоящих административных чинов (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 3, 13, 14).

Целая серия чертежей вспомогательных зданий, безусловно, говорит о системном подходе к планировке дворовой территории, каждое строение на которой выполняло свою строго определенную задачу. Непременными составляющими строительства являлись устройство больницы и коммунально-бытовых помещений, игравших важную роль в обеспечении успешного функционирования тюремного комплекса. Проект больничного флигеля включает изображения фасада двухэтажного здания и планы внутреннего устройства помещений для лечения пациентов. Помимо лазарета, рассчитанного на 24 места, во флигеле располагались аптека, приемная, кухня и квартира фельдшера (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 2). Подробным исполнением отличаются и чертежи хозяйственных построек: хлебопекарни, бани, прачечной, погребов, ледника, конюшни, тюремной ограды с воротами (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 6, 10, 11, 12, 15).

Отдельное здание предназначалось для размещения мастерских: кузницы, слесарной и валяльной (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 5). Процесс активной застройки территории исправительного отделения получил отражение на генеральном плане местности, принадлежавшей учреждению (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 20. Л. 9). На основании документа можно сделать заключение о непосредственной близости зданий друг к другу и их очевидной взаимосвязи.

В 1909 г. произошло преобразование арестантского исправительного отделения во временную каторжную тюрьму, вероятно, в связи с постепенным превращением Вологды в один из центров ссылки и значительным увеличением количества политических заключенных. В соответствии с новым генеральным планом тюрьмы, составленным к 1912 г., комплекс строений включал трехэтажные здания главного и административного отделений, мастерские с одиночным корпусом, здания хозяйственных помещений, три флигеля для квартир надзирателей и больницу (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 28. Л. 1; Д. 30. Л. 1). Основными изменениями в планировке прилегающей к тюрьме территории можно считать строительство нового лазарета, рассчитанного на 55 мест, и так называемого «заразного барака», предназначенного для изоляции пациентов с острой инфекционной формой заболеваний (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 30. Л. 1). Чертеж трехэтажного каменного здания мастерских служит свидетельством повышенного внимания тюремного руководства к организации арестантского труда, который традиционно считался одним из важных средств исправления преступников (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 30. Л. 2). Кроме того, тюремные работы немало способствовали увеличению денежного довольствия пенитенциарных учреждений посредством продажи продукции, изготовленной заключенными.

Можно отметить, что исправительные учреждения г. Вологды на протяжении рассматриваемого периода претерпели в своем развитии существенные изменения, отразившиеся на строительстве и расширении тюремных комплексов. Возведение и обустройство целого ряда основных и необходимых вспомогательных построек способствовало улучшению организации труда, режима, условий жизни заключенных и персонала.

Систему органов исполнения уголовных наказаний на местном уровне составляли уездные тюрьмы. Главное их отличие от губернских мест лишения свободы состояло в значительно меньших размерах строений, рассчитанных в среднем на размещение нескольких десятков заключенных.

На примере типового проекта уездного здания на 30 арестантов, утвержденного в 1860 г., вполне можно выявить некоторые характерные черты, присущие провинциальной тюремной архитектуре. Документ представляет собой чертежи фасада двухэтажного здания не только с лицевой и дворовой сторон, но и в разрезе, а также планы первого и второго этажей с указанием назначения помещений (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 57. Л. 1). Прежде всего, отчетливо прослеживается разграничение женского и мужского отделений посредством расположения на разных этажах. Еще одной существенной особенностью представляется раздельное размещение лиц из привилегированных и низших социальных слоев и различных категорий заключенных – пересыльных, подсудственных и лиц с объявленным приговором. При этом предусматривалась двойная система заключения: одиночная и общая при преобладающем количестве камер, предназначенных для нескольких человек (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 57. Л. 1).

В Вологодской губернии изучаемого периода действовали девять небольших уездных тюрем, основные здания которых были возведены еще в середине XIX в. (табл. 2).

Количество мест заключения в уездных тюремных учреждениях
Вологодской губернии на 1913 г.

Название	Год строительства	Количество мест заключения
Великоустюгская уездная тюрьма	1841	32
Вельская уездная тюрьма	1863	33
Грязовецкая уездная тюрьма	1853–1855	80
Кадниковская уездная тюрьма	–	46
Никольская уездная тюрьма	1854–1855	76
Сольвычегодская уездная тюрьма	1844	65
Тотемская уездная тюрьма	–	74
Усть-Сысольская уездная тюрьма	1864–1865	47
Яренская уездная тюрьма	1864–1865	26

Составлено по: Отчет о деятельности Вологодской губернской тюремной инспекции за 1912 год. Вологда, 1913. С. 23–29.

Число лиц, отбывавших наказание в уездных пенитенциарных учреждениях Вологодчины, варьировалось от двадцати до восьмидесяти человек. Предположительно, количество арестантских мест в разных тюрьмах являлось условным и могло меняться в зависимости от уровня преступности в том или ином уезде в определенное время. Например, в соответствии с данными Вологодской тюремной инспекции, численный состав тюремного населения губернии в 1912 г. уменьшился в среднем на 30 % в сопоставлении с предыдущим отчетным периодом [5, с. 36]. Еще одним подтверждением заметного сокращения количества заключенных стал рапорт начальника Тотемского тюремного замка, направленный губернскому тюремному инспектору в 1917 г., о 57 лицах, состоящих под стражей (ГАВО. Ф. 111. Оп. 2. Д. 505. Л. 1). Для сравнения: в 1913 г. арестантский состав Тотьмы был более многочисленным и включал 74 чел. [5, с. 36].

В эпоху интенсивного строительства и переустройства пенитенциарных учреждений состояние уездных мест заключения также находилось под пристальным вниманием тюремного руководства, что убедительно доказывают имеющиеся проектные документы. Основной массив материалов посвящен устройству исправительных заведений в городах Великом Устюге, Грязовце, Вельске, Усть-Сысольске и Яренске.

История Великоустюгской уездной тюрьмы примечательна размещением ее не в специально выстроенном здании, а в приспособленном для этих целей бывшем жилом особняке. Устройство мест заключения в выкупленных или взятых в аренду частных домах было довольно распространенной практикой, так как являлось гораздо менее затратным предприятием, чем возведение новых построек. Проекты приспособления дома купца Лучникова, датированные предположительно 1840-ми гг., включают развернутые планы комнат и чертежи трехэтажного здания (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 14. Л. 1, 2). На первом этаже располагались кухня для заключенных, помещения караульных и квартира смотрителя. Камеры для тридцати арестантов (шестнадцать мужчин и четырнадцать женщин), комната надзирателей находились на втором и третьем этажах. Кроме того, на верхнем этаже было предусмотрено свободное помещение для устройства больницы. Согласно проектам в дальнейшем предполагалось дополнить существующие строения новыми хозяйственно-бытовыми постройками: баней, погребами и колодцем (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 14. Л. 2). План переустройства Великоустюгского тюремного замка значительно более позднего времени, относящийся к 1897 г., иллюстрирует заметное расширение комплекса. Кроме основно-

го здания, тюремную территорию занимали: административный корпус, вмещавший квартиры начальника замка, старшего надзирателя, караульную комнату и мастерские, банный флигель и различные вспомогательные постройки (ледник, погреб, кладовые) (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 8. Л. 1). Детальные чертежи планировки внутренних помещений административного отделения информируют о размещении в здании, помимо жилья руководства тюрьмы, ткацкой и столярной мастерских, приемной и комнаты для свиданий (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 9. Л. 1). Образцом устройства типичного тюремного бытового

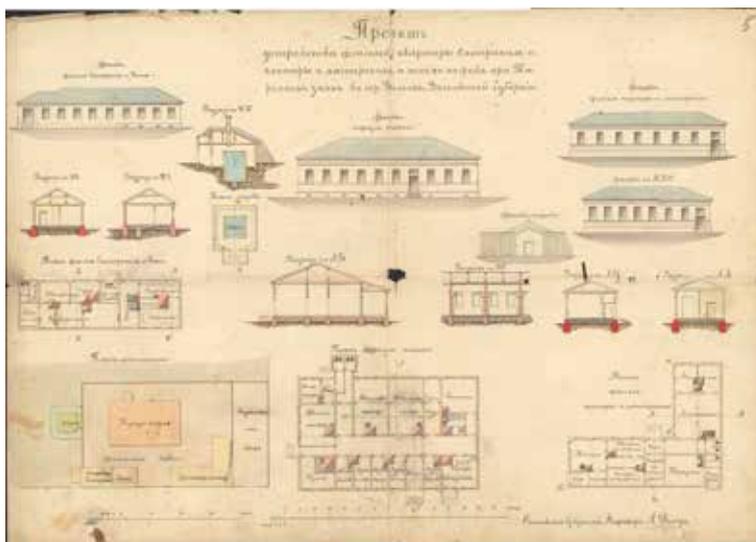

Фото 4. Проект тюремного комплекса в г. Вельске.
Конец XIX – начало XX вв.
ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 19. Л. 5.

строения служит проект новой каменной бани, утвержденный в 1911 г. и включающий схематические изображения внешнего вида здания и нескольких необходимых внутренних помещений: «мыльной», парильной, раздевальной и прачечной (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 13. Л. 1).

Группа чертежей Вельского замка отличается комплексным подходом к организации строительства, следствием чего стало единовременное возведение всех тюремных сооружений. Проект рисует цельную картину, позволяющую получить представление о расположении, внешнем виде и внутреннем устройстве зданий главного корпуса и флигелей, занятых квартирами смотрителей, административным отделением и мастерскими. В то же время план местности с обозначенными на нем постройками является очередным свидетельством реализации централизованного принципа расположения зданий (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 19. Л. 5).

Тюремные замки в Усть-Сысольске и Яренске возводились практически одновременно, в 1864–1865 гг., что во многом определило их схожесть в архитектурном плане и с точки зрения характера застройки дворовой территории. Так, на чертежах главных корпусов учреждений изображены одноэтажные деревянные строения с типичным внутренним устройством, включающим общие и одиночные камеры, караульные и надзирательские комнаты, различные подсобные помещения (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 50. Л. 2, 9; Д. 54. Л. 1; Д. 55. Л. 1). Последовавшее в конце XIX – начале XX вв. дополнение комплексов новыми зданиями отражает ряд соответствующих чертежей помещений, предназначенных для расположения квартир начальников отделений, смотрителей и тюремной стражи, коммунальных служб (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 51. Л. 1; Д. 52. Л. 1). Среди них выделяется проект строительства жилого дома начальника Яренской тюрьмы. Данный документ, помимо чертежей самого строения, включает план всего комплекса замка, который на 1902 г. составляли главный тюремный корпус, дом руководителя учреждения, помещение конторы, вмещавшее приемное отделение и комнату для надзирателей, здания мастерских, бани и погреба (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 53. Л. 1).

Проект тюрьмы г. Грязовца представляет собой чертеж фасада каменного здания, состоящего из трех этажей, а также сопутствующие ему планы внутреннего устройства (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 47. Л. 6). Традиционное расположение всех необходимых помещений, характерное для большинства провинциальных мест заключения, прослеживается и в данном

случае. Стоит лишь заметить, что довольно просторный замок вместил тринадцать камер заключения и подсобные помещения, приемное отделение, комнату свиданий, надзирательские помещения и церковь (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 47. Л. 1). Следовательно, дополнительных зданий в составе Грязовецкого тюремного комплекса насчитывалось значительно меньше, чем в других уездных местах лишения свободы. Данную особенность легко можно проследить по квартальным планам г. Грязовца с обозначением места расположения тюрьмы (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 47. Л. 2, 4). К тому же карта города указывает на еще одну существенную деталь, касающуюся выбора местности для строительства пенитенциарных учреждений: как правило, в XIX – начале XX вв. они возводились на окраине или за чертой населенного пункта для большей изоляции от жилых кварталов.

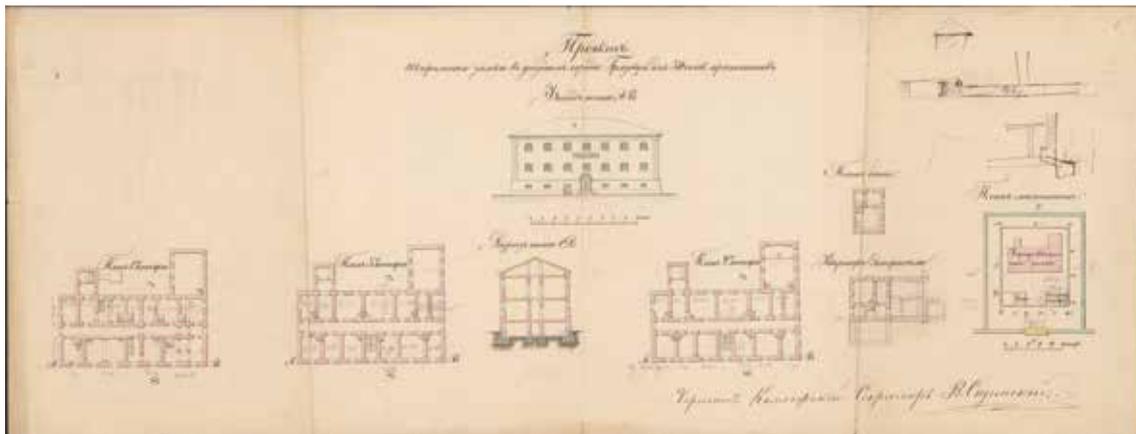

Фото 5. Проект тюремного замка в г. Грязовце. Конец XIX – начало XX вв.
ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 47. Л. 6.

По итогам рассмотрения строительных документов вполне можно сделать вывод о несомненной схожести как организации застройки территории, так и планировки помещений разных тюрем Вологодской губернии. Практически все комплексы состояли из базовых строений и хозяйственно-бытовых вспомогательных построек, примыкавших к основному зданию. Принципы внутреннего устройства основных корпусов губернских и уездных мест заключения были едины и в основном соответствовали законодательным требованиям.

Возведение большей части тюремных учреждений Вологодской губернии было осуществлено еще в первой половине и середине XIX в., поэтому неудивительно, что уже к началу следующего столетия многие строения ввиду своего ветхого и зачастую непригодного для дальнейшего использования состояния перестали в полной мере выполнять возложенные на них функции. Как следствие, еще одним направлением пенитенциарной политики государства наряду с сооружением новых объектов стало осуществление капитальных и текущих ремонтных работ.

Из всех мест заключения, действовавших на территории региона, в самом неудовлетворительном состоянии, по признанию Вологодской тюремной инспекции, находилась губернская тюрьма, «здания которой пришли в полную негодность» [5, с. 31]. В течение 1910–1913 гг. были проведены ремонты нескольких отделений учреждения, в том числе главного корпуса (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7514. Л. 47, 54). В связи с преобразованием Вологодского исправительного арестантского отделения во временную каторжную тюрьму также возникла потребность в обновлении внутренних помещений зданий. Реконструкция их завершилась в 1909 г. [5, с. 30].

Свидетельством осуществленных в начале XX в. восстановительных работ в Великоустюгском тюремном замке является ряд чертежей, составленных к смете на капитальный ремонт. Реконструкции подлежали практически все помещения главного корпуса, а также флигеля, вмещавшего мастерские и квартиры административного персонала (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 12. Л. 1; Д. 16. Л. 1). Следует признать, что проекты капитального ремонта составлялись с той же детальностью, что и при строительстве новых сооружений. Например, на плане первого этажа Великоустюгской тюрьмы предполагаемые к производству дополнительных работ помещения кухни и столовой обозначены обособленно от остальных помещений (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 17. Л. 1). Так называемые обычные, текущие ремонты, включавшие работы по побелке стен и потолков, покраске крыш, настилу новых полов, кладке печей, устройству кухонных очагов и др., регулярно проводились во всех тюремных учреждениях [5, с. 34].

В целом хотелось бы отметить, что период конца XIX – начала XX столетий стал значимым этапом в истории строительства объектов пенитенциарной системы. Были закреплены основные требования, касавшиеся как внутреннего, так и внешнего устройства исправительных учреждений. Так, при проектировании соблюдались следующие условия: раздельное содержание различных категорий арестантов при одиночной и общей системе заключения, выделение обособленных помещений для расположения административного, больничного отделений, квартир персонала, мастерских, хозяйственно-бытовых служб и т. д.

Характерные для данного времени архитектурные решения и особенности возведения стали во многом востребованными при строительстве тюремных зданий в последующие эпохи. Собрание проектно-плановых документов по истории мест заключения Вологодской губернии, включающее технически точные и достоверные изобразительные источники информации, позволяет всем интересующимся исследуемой темой составить свое представление о закрытых режимных учреждениях дореволюционной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пертли Л. Ф. Тюремная политика Российской империи (1879–1917 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 9. С. 29–35.
2. Тюремная реформа второй половины XIX века и вопросы кадрового обеспечения мест лишения свободы в Российской империи / Гомонов Н. Д., Пирогов П. П., Тимохов В. П., Туманов А. А. // Юридическая наука. 2019. № 1. С. 3–10.
3. Вологда в минувшем тысячелетии. Памятники истории и культуры / гл. ред. А. В. Суворов. Вологда, 2019. 417 с.
4. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. В. Н. Коковцов и С. В. Рухлов. 2-е изд. СПб., 1894. 831 с.
5. Отчет о деятельности Вологодской губернской тюремной инспекции за 1912 год. Вологда, 1913. 101 с.

REFERENCES

1. Pertli L.F. Prison policy of the Russian Empire (1879-1917). *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2018, no. 9, pp. 29–35. (In Russ.).
2. Gomonov N.D., Pirogov P.P., Timokhov V.P. et al. Prison reform of the second half of the 19th century and issues of staffing of places of deprivation of liberty in the Russian Empire. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2019, no. 1, pp. 3–10. (In Russ.).
3. *Vologda v minuvshem tysyacheletii. Pamyatniki istorii i kul'tury* [Vologda in the last millennium. Monuments of history and culture]. Ed. by Suvorov A.V. Vologda, 2019. 417 p.
4. *Sistematicheskii sbornik uzakonenii i rasporyazhenii po tyuremnoi chasti* [Systematic collection of legalizations and orders concerning prisons]. Comp. by Kokovtsov V.N., Rukhlov S.V. Saint Petersburg, 1894. 831 p.

5. *Otchet o deyatel'nosti Vologodskoi gubernskoi tyuremnoi inspeksii za 1912 god* [Report on the activities of the Vologda Provincial Prison Inspectorate for 1912]. Vologda, 1913. 101 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА ЛЕМЕХОВА – главный архивист Государственного архива Вологодской области, Вологда, Россия, tanyalemehova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

TAT'YANA L. LEMEKHOVA – Chief Archivist of the State Archive of the Vologda Oblast, Vologda, Russia, tanyalemehova@yandex.ru

Статья поступила 08.12.2022

Научная статья

УДК 93/94.321

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.009

Политико-правовые задачи управления Российской империи в Средней Азии: административно- правовая практика включения Младшего и Среднего жуза в сферу имперской внутренней политики

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛИТВИНОВ

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина,
Елец, Россия

Институт стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Рос-
сийского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, Биш-
кек, Кыргызстан

vladlenli@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа административно-право-
вой политики Российского государства в Средней Азии в первой половине XIX в.
Отмечается, что на начальном этапе управления степными регионами Средней
Азии, где проживали казахи, использовалась косвенная модель управления, при
которой центральные власти практически не влияли на внутреннюю ситуацию
в Степи. По этой причине уже в конце XVIII в. царская администрация в регио-
не взяла курс на вовлечение казахских подданных в структуры русской государ-
ственности.

Ключевые слова: Казахская степь; Средний жуз; Младший жуз; администра-
тивная политика; Российское государство; Оренбургская пограничная комиссия.

5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Литвинов В. П. Политико-правовые задачи управления
Российской империи в Средней Азии: административно-правовая практика
включения Младшего и Среднего жуза в сферу имперской внутренней политики
// Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных ис-
следований. 2023. № 1 (8). С. 61–68. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.009.

Original article

Political and Legal Tasks of the Administration of the Russian Empire in Central Asia: Administrative and Legal Practice of Including Junior and Middle Zhuz in the Sphere of Imperial Domestic Policy

VLADIMIR P. LITVINOV

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

© Литвинов В. П., 2023

Institute of Strategic Analysis and Forecast of the Kyrgyz-Russian
Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

vladlenli@yandex.ru

Abstract. The article attempts to analyze the administrative and legal policy of the Russian state in Central Asia in the first half of the 19th century. It is noted that an indirect management model was used at the initial stage of management of steppe regions of Central Asia, Kazakhs' place of residence. So, central authorities practically did not influence the internal situation in the region under consideration. For this reason, already at the end of the 18th century the tsarist administration in the region embarked on including Kazakh subjects in the structures of Russian statehood.

Key words: Kazakh steppe; Middle Zhuz; Junior Zhuz; administrative policy; Russian state; Orenburg Border Commission.

5.6.1. Domestic history.

For citation: Litvinov V.P. Political and legal tasks of the Administration of the Russian Empire in Central Asia: administrative and legal practice of including Junior and Middle Zhuz in the sphere of imperial domestic policy. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 61–68. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.009.

Практически на всех этапах существования российской государственности – от Московского царства до современной России – перед центральной властью стояла задача по поиску сбалансированной модели управления национальными окраинами, имеющими свою культурную, религиозную, политическую и иную самобытность. Очевидно, что в разные исторические периоды реализовывались различные подходы в управлении регионами. В определенные моменты центр охотно делился с ними своими полномочиями (как правило, во время политической и социально-экономической нестабильности в стране). Прослеживается и еще одна закономерность: включение в состав русского государства не означало автоматического вхождения в политико-правое поле российской государственности, обретенные или завоеванные территории, как правило, проходили длительную адаптацию. Многие народы сохраняли свою культурную, религиозную и социально-политическую самобытность в составе Российского государства. Более того, именно благодаря вхождению в состав России на том или ином этапе ее истории они не только продолжили существование как нации со своей историко-культурной исключительностью, но смогли не утратить политической самобытности и со временем обрести собственную государственность.

Проблема управления среднеазиатскими территориями встала перед Российским государством после принятия в подданство в XVIII в. казахов Младшего и части Среднего жузов. При этом необходимо отметить, что сами территории, на которых кочевали казахи, вначале не были включены в состав Российской империи. Желая ограничить затраты на управление и содержание, на этих территориях осуществляли так называемое косвенное управление. Российское правительство ограничивалось поддержкой своих ставленников и по мере необходимости наведением порядка в Степи средствами проведения военных экспедиций, призванных примирить или умиротворить отдельные казахские племена и кланы. Внутренняя политика на этих территориях отдавалась на откуп местным ханам и родовой аристократии, которые, опираясь на силу России, осуществляли таковую в своих собственных интересах, что не всегда имело положительный эффект для простых казахов-кочевников. Следует подчеркнуть, что отдельные рода Среднего жуза и Старший жуз

не пошли под «руку белого царя» и по этой причине чувствовали себя более свободными в политическом отношении.

Политическая ситуация в самой Степи определялась, в первую очередь, ментальностью казахов-кочевников, их обычаями и политическими традициями. Хан воспринимался обычными казахами как вполне обыденная фигура, не лишенная человеческих слабостей. Современная исследовательница И. Ерофеева замечает: «Статусная фигура хана традиционно воспринималась кочевыми казахами без сколько-нибудь значительного налета эзотерической сакральности, как "первого среди равных" в "благородном семействе" автохтонных джучидов, что характерно для всех военных демократий евразийского континента» [1]. Само по себе обладание высшим титулом в Степи никак не гарантировало существенных материальных приобретений и реальной власти над населением. Однако наличие ханского титула являлось вопросом социального престижа среди номадов, выступало данью великой кочевой традиции. Борьба за титул непременно вызывала соперничество лидеров главных казахских кланов. Российское правительство пыталось учитывать особенности политического устройства Степи и, как правило, напрямую не вмешивалась во внутривнутриполитическое междоусобное соперничество, используя для влияния на ситуацию разного рода инструменты так называемой «мягкой силы». Русское правительство всячески поощряло верноподданнические проявления со стороны кочевой казахской аристократии, в частности в 1758 г. султаны Ералы, Айшуака и Абылай были награждены именным оружием. Кроме того, Абылаю было назначено солидное жалование в размере 200 руб. в год [2, с. 568]. Исследователь Д. В. Васильев пишет: «Лавируя между различными родовыми и политическими объединениями, российская администрация пыталась, с одной стороны, нащупать опору в Степи, а с другой, хотя бы не допустить чрезмерного усиления чьего бы то ни было авторитета» [3, с. 11]. Администраторы Степи вскоре поняли, что такая двойственная политика не может привести к укреплению позиций России в регионе, кроме того, она не устраняла главной проблемы – влияния Китая. Известно, что казахский хан Абылай самостоятельно устанавливал отношения с властями Цинского Китая, не советуясь при этом с русским правительством. По этой причине уже в конце XVIII в. царская администрация в регионе взяла курс на вовлечение казахских подданных в структуры русской государственности. На территориях Младшего жуза была проведена административная «реформа Игельстрома», предложенная 1786 г. оренбургским генерал-губернатором и названная в его честь. Проект предполагал устранение ханской власти в Младшем жузе и передачу основных властных полномочий пограничному суду, состоящему из представителей царской администрации. Казахской кочевой аристократии гарантировались только места в расправах – местных органах власти. В соответствии с утвержденными положениями проекта реформы расправам придавались судебные, полицейские и административные функции. Несмотря на достаточно широкие полномочия, казахскую знать, судя по всему, не прельщала перспектива становиться царскими чиновниками. Очевидно, что их вполне устраивала ситуация, при которой они не несли никакой обременительной ответственности перед вышестоящими начальниками. Реформа встретила сопротивление в Степи и вскоре сошла на нет. Это был первый пробный шар административных преобразований, поэтому вполне объяснимо, что он оказался неудачным. Однако, как полагает Д. В. Васильев, административная «реформа Игельстрома» «показала готовность царской администрации перейти в новую фазу взаимоотношений с казахским социумом – к активному вмешательству и в социальную структуру, и во внутривнутриполитические отношения» [3, с. 11]. Многие исследователи указывают на то, что для активной деятельности русского правительства сложились все необходимые условия: во-первых, постоянные междоусобные распри за землю между отдельными родами, что, понятно, не способствовало консолидации казахов; во-вторых,

нестабильное положение казахской элиты при отсутствии крепкой центральной ханской власти. По этой причине, как отмечает Д. В. Васильев, в тот период предложения по преобразованию управления Казахской степью и ее более интенсивному вовлечению в сферу имперской внутренней политики исходили от чиновников разного уровня и социального статуса. [4, с. 174–184]. Тем не менее царское правительство не решилось на серьезные преобразования в Степи в конце XVIII в. – это станет задачей следующих десятилетий.

Коренные изменения в управлении Степью начались в первой половине XIX в. Главной целью преобразований стала интеграция территорий в состав империи. На основной части степного региона было распространено общеимперское законодательство, но учитывавшее культурные, религиозные и иные особенности населения. Российское правительство использовало весь имеющийся у него опыт и испытанный набор методов и приемов, отработанных в отношении других кочевых скотоводческих этносов – башкир, калмыков, якутов и др., всячески пыталось адаптировать традиционные политические институты кочевников к общеимперской централизованной бюрократической системе.

При всей масштабности и глубине преобразований руководство страны действовало весьма гибко. Оно не стало выстраивать единую общую административную модель для всех казахских территорий, а действовало избирательно, учитывая принципиальные особенности отношения к власти отдельных казахских племен. Поэтому в итоге в Казахской степи было реализовано несколько административных моделей. В частности, в отношении Младшего и Среднего жузов были применены разные модели.

Первая административная модель – Оренбургская пограничная комиссия, которая стала главным органом управления Младшим жузом, территории которого находились на западе Казахской степи. Комиссия напрямую подчинялась Азиатскому департаменту МИД, однако оперативное руководство осуществлялось через оренбургского военного губернатора. Комиссия была создана, а точнее, преобразована из Оренбургской пограничной экспедиции в 1799 г. В период 1820–1824 гг. шло обсуждение планов преобразования в Младшем жузе. В нем деятельное участие принимали все заинтересованные ведомства и губернаторы близлежащих губерний, в том числе и генерал-губернатор Сибири выдающийся государственный деятель М. М. Сперанский. В 1824 г. был принят «Устав об оренбургских киргизах». Он стал главным руководством для проведения реформы в Младшем жузе. Согласно Уставу Младший жуз был поделен на три административные части – Западную, Среднюю и Восточную, которые управлялись султанами-правителями. Кстати, в том же году были приняты в российское подданство казахи Большого жуза, боровшиеся против владычества Кокандского ханства [5].

В 1824 г. ханская власть в Младшем жузе была упразднена, а бывшему хану Шергазы Айшуакову было предложено стать первоприсутствующим в Оренбургской пограничной комиссии с окладом в 150 руб. Современная исследовательница Е. П. Кудрявцева отмечает, что «упраздняя ханскую власть, российское правительство стремилось сохранить традиционную систему управления в Младшем жузе» [6, с. 52]. В 1825 г. на должность председателя Оренбургской пограничной комиссии был назначен полковник Г. Ф. Генс, который жил и служил на разных должностях в Оренбурге с 1807 г., а поэтому хорошо знал обычаи и традиции коренного населения региона. Кроме того, Генс имел широкие научные интересы, как ученый-востоковед оставил после себя обширные материалы о природе Средней Азии, народах, ее населяющих, их обычаях и занятиях. Председатель комиссии имел весьма широкие полномочия: в его ведении находились судопроизводство, торговля и внешняя политика, включая сношения с казахами Младшего жуза. Кроме этого, через комиссию поддерживалась связь со среднеазиатскими ханствами. Штаты комиссии окончательно утвердились в 30–40-е гг., однако основные организационные структуры были сформированы еще в

1820-х гг. Согласно штатному расписанию, кроме председателя, его советников, чиновников МИД, переводчиков и канцелярских служащих, в ней числились три султана-правителя, которым было положено государственное жалование в размере 100 руб. ежемесячно, вдобавок они получали по 60 четвертей ржаной муки в год [6, с. 53]. Таким образом, султаны-правители являлись чиновниками МИД и, как все другие члены комиссии, имели право носить мундир этого ведомства. При вступлении в должность каждый султан-правитель получал от оренбургского генерал-губернатора грамоту, знамя с императорским гербом и золотую саблю от МИД [7, с. 12]. Султанам-правителям вменялось в обязанности собирать налоги, вести судебные дела, следить за сохранением порядка в своих административных единицах, а также контролировать деятельность чиновников из числа казахской знати. Судопроизводство осуществлялось на основе адатов. В 1831 г. была проведена новая административная реформа, в результате чего была введена дистанционная система управления. Все кочевья казахов Младшего жуза были поделены на 32 дистанции, во главе которых стояли старшины, назначаемые царской администрацией. Старшины подчинялись султанам-правителям. Данная административная реформа была не до конца продумана, поскольку деление на дистанции проводилось без учета сложившихся у казахов родовых кочевий. В силу этого впоследствии было решено отказаться от деления по территориальному признаку, а закрепить за родами дистанции, на которых находились их традиционные кочевья. Д. В. Васильева констатирует: «Оренбургская модель (Малая орда) во многом сохранила традиционные представления о власти и внутреннюю самостоятельность казахской администрации» [3, с. 12].

Вторую административную модель, которую реализовывало царское правительство в управлении казахскими территориями, принято называть Сибирской. Она была применена в отношении казахов Среднего жуза и предполагала систему административно-территориального деления и политическое устройство, наиболее приближенные к общеимперским.

Необходимость изменения подходов в отношениях с казахами Среднего жуза было во многом связано с укреплением позиций России в южных районах Западной Сибири. Кроме того, на наш взгляд, административные реформы по управлению Средним жузом следует рассматривать как один из этапов реформирования Сибири. Вообще административные реформы в Среднем жузе связывают с именем М. М. Сперанского, управлявшего в то время Сибирью. Дело в том, что в указанный период времени центральные власти пытались наводить на своих восточных окраинах порядок, которого там не было испокон веков. Проблема с Сибирью обозначилась в начале XIX в., когда резко упали доходы от этих земель. Управлявший территорией генерал-губернатор И. Б. Пестель ничем хорошим в этих краях не прославился. Более того, известно, он никогда не жил в Сибири, после первого и последнего обозрения владений вернулся в Петербург, откуда и руководил 12 лет, получая при этом взятки от своих сибирских «помощников». Порочный образ действий И. Б. Пестеля был осужден как властью, так и российской общественностью. Кстати, И. Б. Пестель был отцом декабриста П. И. Пестеля, и мы не исключаем, что он мог мстить царизму за позор отца. После И. Б. Пестеля в Сибирь был направлен М. М. Сперанский, который провел тщательную ревизию края, после чего составил детальный отчет о положении дел и представил его Александру I. Известно, что после этой ревизии М. М. Сперанский назвал И. Б. Пестеля «пустой головой, какую когда-либо знал». В данной статье мы не будем касаться проблем реформы Сибири, поскольку это не входит в задачи нашего исследования, а лишь отметим, что пограничные линии кочевий Среднего жуза проходили по границам сибирских земель. Кроме того, еще в конце XVIII в. казахским кочевникам разрешалось заходить со своими стадами в пределы сибирских территорий. Исследователь С. В. Шевчен-

ко отмечает: «К концу второго десятилетия XIX в. во «внутренних» областях кочевало уже около 11 тыс. казахов» [8, с. 51]. Основная их часть кочевала в южных районах Сибири на постоянной основе. По этой причине царское правительство решило окончательно включить территории казахских кочевий в пределы империи и заменить косвенное управление этими территориями на прямое.

Попытки поставить под контроль эти земли предпринимались еще в 1816 г., когда восточные районы Среднего жуза были отобраны у правившего в это время Вали-хана и отданы под управления новоутвержденного хана Букея. В 1820-е гг. оба хана умирают, а центральные власти всячески препятствуют проведению новых выборов – местные власти получают указание «отклонять всякий приступ к выбору» нового хана [9, с. 182–183]. Это сложно назвать реформами, однако правительство понимало необходимость принятия мер к изменению отношений с кочевым населением региона.

После ревизии М. М. Сперанского был сделан вывод о том, что применяемая пограничная система косвенного управления уже не отвечает в полной мере задачам по организации управления территориями. В 1822 г. была проведена Сибирская административная реформа, в результате чего в Сибири было учреждено два главных управления: Западное и Восточное. В Западное главное управление вошли Тобольская и Томская губернии и Омская область. К Омской области помимо прочих районов были присоединены степные территории, на которых были учреждены округа, населенные преимущественно казахами-кочевниками Среднего жуза. Центрами округов были крепости: Омская, Петропаловская, Семипалатинская и Усть-Каменагорская. Они подчинялись Окружному управлению в составе окружного начальника и Окружного совета. Окружные начальники одновременно являлись комендантами крепостей и командирами казачьих подразделений. Все это замыкалось на главном областном начальнике, который одновременно выступал командиром Сибирского казачьего корпуса. Новый административный порядок предполагал изменения в обязанностях Сибирского линейного казачества. Если до реформы казаки несли только пограничную службу, то после введения новых порядков на них были возложены полицейские и административные функции. Они должны были поддерживать порядок в Степи и обеспечивать деятельность окружных приказов.

В дополнение к новому административному делению в этом же году был принят новый «Устав о сибирских киргизах». М. М. Сперанский во многом лично подготовил этот документ, в 1822 г. утвержденный императором Александром I [10].

Первая глава устава определяла административную структуру управления сибирскими киргизами [10, с. 417]. Самой крупной административной единицей считался округ, имевший свои разграниченные земли (§ 9). Округ включал в себя от 15 до 25 волостей, каждая из которых состояла преимущественно из представителей одного рода или поколения, но не исключалась возможность формирования волости из соседних родов (§ 8). В волость, в свою очередь, входило 10–12 аулов, каждый из которых объединял 50–70 кибиток (§ 5).

Устав был составлен так мудро и изобретательно, что во многих местах устанавливал юридические преграды для тех, кто хотел бы злоупотребить властью над кочевниками. Но, к сожалению, не везде. Он определял, что вошедшие в состав Российской империи казахские земли были разделены на округа. Это были так называемые внешние округа, управляемые окружными приказами. Окружной приказ имел смешанный состав, в него входили выборный председатель – старший султан, как правило, в чине майора русской армии – и четыре заседателя – по два от русских и казахов. Так, устав гласил: «В Приказе, под председательством старшего султана, присутствуют: два российских заседателя, определяемых областным начальником, и два заседателя из почетных киргизов, по выбору» [10, с. 418].

В нем же утверждался наследственный характер звания султана (§ 30), а § 31 определял, что «право их на управление волостями должно переходить только по одной прямой нисходящей линии и по первородству, но и в сем случае сообразно с нынешними обычаями должно предварительно истребовать согласие общества, которое может избрать и другого султана, но не вверяет ему власти без утверждения областного правления» [10, с. 418]. Таким образом, власти сохраняли силу существовавших у казахов обычаев и учитывали их представления о власти, но при этом оставляли за собой последнее слово в выборе султана.

На окружные приказы были возложены полицейские и судебные функции. Округа были поделены на волости, во главе которых стояли старшины, причем § 25 устава определял, что «старшины для управления аулами выбираются от самих киргизов и утверждаются в сем звании окружным приказом» [10, с. 418]. Выборы проводились путем устного опроса населения, срок полномочий старшин ограничивался тремя годами, однако количество сроков не оговаривалось. Старшины в отличие от других должностных лиц в этой административной системе жалование не получали.

Таким образом, претворение положений нового устава в жизнь кардинально изменило структуру русско-казахских отношений в Среднем жузе. Было установлено прямое российское управление, но с элементами традиционных представлений казахов о власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ерофеева И. Политическая организация кочевого казахского общества. URL: https://ca-c.org.ru/journal/1998/14-1998/st_15_erofeeva.shtml (дата обращения: 02.02.2023).
2. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках : сб. документов и материалов / под ред. М. О. Джангалина, Ф. Н. Киреева, В. Ф. Шахматова. Алма-Ата, 1961. 741 с.
3. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 638 с.
4. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М., 2014. 471 с.
5. Грамота, Высочайше пожалованная султанам Большой Киргиз-кайсацкой Орды – О принятии их в подданство. 13 мая 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПб., 1830. № 29907. С. 313.
6. Кудрявцева Е. П. Деятельность Оренбургской пограничной комиссии в качестве подразделения российского МИД // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3. С. 51–55.
7. Горбунова С. В. Оренбургская пограничная комиссия в Младшем казахском жузе : автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1998. 48 с.
8. Шевченко С. В. Управление Средним казахским жузом в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: проекты реформ // Вестник Омского университета. 2001. № 2. С. 50–52.
9. Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках (1771–1861 гг.) : сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964. 575 с.
10. Высочайше утвержденный Устав о Сибирских Киргизах. 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 29127. С. 417–433.

REFERENCES

1. Erofeeva I. *Politicheskaya organizatsiya kochevogo kazakhskogo obshchestva* [Political organization of nomadic Kazakh society]. Available at: https://ca-c.org.ru/journal/1998/14-1998/st_15_erofeeva.shtml (accessed February 2, 2023).
2. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v 16 – 18 vekakh: sb. dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 16th – 18th centuries: collection of documents and materials]. Ed. by Dzhangalin M.O., Kireev F.N., Shakhmatov V.F. Alma-Ata, 1961. 741 p.
3. Vasil'ev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the 19th century]. Moscow, 2018. 638 p.

4. Vasil'ev D.V. *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. 18 – pervaya polovina 19 veka* [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. 18th – the first half of the 19th century]. Moscow, 2014. 471 p.
5. The Letter, Most highly granted to the sultans of the Great Kirghiz-Kaysak Horde – On their acceptance into citizenship. May 13, 1824. In: *PSZRI-1. T. 39* [PSZRI-1. Volume 39]. Saint Petersburg, 1830. No. 29, 907. P. 313. (In Russ.).
6. Kudryavtseva E.P. The activity of the Orenburg's Border Committee as a department of the Russian Ministry of Foreign Affairs. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 20, no. 3, pp. 51–55. (In Russ.).
7. Gorbunova S.V. *Orenburgskaya pogranichnaya komissiya v Mladshem kazakhskom zhuzе: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [Orenburg Border Commission in the Junior Kazakh Zhuz: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 1998. 48 p.
8. Shevchenko S.V. Management of the Average Kazakh Zhuz at the end of the 18 – first quarter of the 19 centuries: projects of reforms. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of the Omsk University*, 2001, no. 2, pp. 50–52. (In Russ.).
9. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v 18 – 19 vekakh (1771–1861 gg.): sb. dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries (1771–1861): collection of documents and materials]. Alma-Ata, 1964. 575 p.
10. V The most highly approved Charter on the Siberian Kyrgyz. July 22, 1822. In: *PSZRI-I. T. 38* [PSZRI-I. Volume 38]. Saint Petersburg, 1830. No. 29,127. Pp. 417–433. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛИТВИНОВ – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина, Елец, Россия, старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, vladlenli@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VLADIMIR P. LITVINOV – Doctor of Sciences (History), associate professor at the Department of History and Historical and Cultural Heritage of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, Senior Researcher at the Institute of Strategic Analysis and Forecasting of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, vladlenli@yandex.ru

Статья поступила 03.02.2023

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.010

О работе с методами интраистории при изучении заархивированных художественно- изобразительных источников

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ПОКАСОВ

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия, dereguznp@mail.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА АНУПРИЕНКО

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия, anupr2014@yandex.ru

АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ ГОНЧАРОВ

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия, raven-moon-34999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3244-8155>

Аннотация. В статье осуществлен анализ методов и некоторых приемов интраистории как исторического подхода при работе с архивными источниками. На примере художественно-изобразительных источников, прозы и драмы показаны принципы функционирования когнитивного внутреннего мира автора-писателя и особенности их превращения в концепты художественно-изобразительного источника. Обоснован тезис о специфике формирования исторических представлений личности и формах расширения художественного пространства на трех основных уровнях. В ходе исследования уточнены положения о существовании мировоззренческих детерминант автора в художественно-историческом, психологическом пространстве и историческом прошлом, запечатленных в текстовом виде. Результатом стало определение особенностей протекания индивидуально-психологической динамики интраистории в сознании человека и непосредственно тех методических принципов, которыми должен руководствоваться исследователь, пользующийся инструментарием интраистории.

Ключевые слова: художественное пространство; автор; дискурс; темпоральность; наблюдательный пункт; историческое представление; континуум.

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Для цитирования: Покасов В. Ф., Ануприенко И. А., Гончаров А. С. О работе с методами интраистории при изучении заархивированных художественно-изобразительных источников // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 69–73. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.010.

Original article

On Working with Intrahistory Methods in the Study of Archived Artistic and Visual Sources

VLADIMIR F. POKASOV

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, dereguznp@mail.ru

IRINA A. ANUPRIENKO

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, anupr2014@yandex.ru

ARTEM S. GONCHAROV

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, raven-moon-34999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3244-8155>

Abstract. The article analyzes methods and some techniques of intrahistory as a historical approach when working with archival sources. Principles of functioning of the author-writer's cognitive inner world and the specifics of its transformation into concepts of an artistic and pictorial source are shown on the basis of artistic and pictorial sources, prose and drama. The thesis about the specifics of forming historical representations of an individual and forms of expansion of the artistic space at three main levels is substantiated. In the course of the study, provisions on the existence of the author's ideological determinants in the artistic-historical, psychological space and historical past, captured in the text form, are clarified. As a result, the specifics of the course of individual psychological dynamics of intrahistory in the human mind and directly those methodological principles that should guide the researcher using the tools of intrahistory are determined.

Key words: artistic space; author; discourse; temporality; observation post; historical representation; continuum.

5.6.5. Historiography, source studies, methods of historical research.

For citation: Pokasov V.F., Anuprienko I.A., Goncharov A.S. On working with intrahistory methods in the study of archived artistic and visual sources. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 69–73. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.010.

В условиях актуализации синкретической модели исторического знания особое место в умах передовых исследователей занимает поиск новых методов изучения архивных документов и подходов к нему. Значительный интерес в этом контексте представляют художественно-изобразительные источники – литература, оказавшаяся под запретом по тому или иному поводу. Дискурс и внутренняя специфика данных источников в рамках исторической науки заставляют задуматься не только о контекстуальности, но и о самой форме проведения исследования. Вместе с тем такой подход не дает возможности рассмотреть всю полноту и многообразие художественной работы как исторического источника.

Обращение к интраистории является перспективным решением для укрепления анализа личности автора-рассказчика и автора-героя, герменевтики интенции его речи, а также насыщения моделируемого художественного пространства эмпиризмом, свойственным

лингвистике и семиотике. Научная значимость поворота к интраистории в архивном деле определяется двумя факторами: во-первых, «проблемой непосредственного сопереживания» личности, экзистенциального подтекста исторического дискурса и, во-вторых, созданием новых «наблюдательных пунктов» исторического анализа, отличных от тех, что могут предложить историческая антропология, микроистория или диахрония.

Сложному и неоднозначному процессу переложения интраистории в формат исторического исследования посвящено сравнительно немного научных работ. Прежде всего, это методические разработки и источниковедческие изыскания профессора Т. А. Булыгиной, занимавшейся созданием «новой локальной истории» [1]. Ставя перед собой цель раскрыть специфику работы с методами интраистории в ее современном виде, автор предлагает дополнить и расширить существующую концепцию, вернувшись, однако, к истокам «Поколения 98» (исп. *Generación del 98*) [2, с. 4].

В отечественной историографии интраисторию долгое время ошибочно приравнивали к истории искусств и диахронии. Одним из первых разграничил данные направления Ю. М. Лотман в процессе создания своего «Мыслящего мира», впоследствии Т. А. Булыгина создала концепцию «новой локальной истории», совместившую в себе принципы лотмановского семиотического подхода и старой школы изучения локусов. Констатируя очевидное отличие интраистории от истории искусств, Т. А. Булыгина привела два аргумента [1]. Первый сводился к концептуальному многообразию истории искусств и широкому спектру анализа эмпирического искусствоведения, которое было ориентировано главным образом на микроанализ, тогда как интраистория оперировала «внутренним миром» художественных эпох, произведений и творческим мышлением отдельно взятых исторических личностей, включая их мировоззрение и миропонимание. Так, история искусств решает глобальные проблемы эстетики и описывает творческий процесс в сознании личности на примере художественного произведения, а интраистория занимается анализом процесса превращения когнитивного внутреннего / мыслящего мира в концепты художественно-образительного источника [1, с. 17]. Вторым аргументом: к числу предметов истории искусств относятся стыки разных культур и «нерв творческого процесса», критерии художественного мастерства и черты источников соответствующего вида, тогда как для интраистории все данные предметы вторичны, они лишь позволяют подчеркнуть специфику общего и частного между миропониманием двух исторических личностей в художественном пространстве [3, с. 59].

Это расхождение между двумя полюсами интраистория решает следующим образом. С одной стороны, источниковедческий анализ заменяется лингвистическим, с другой – герменевтика совмещает в себе элементы антипозитивизма и исторической антропологии. Этап синтеза проходит с опорой на богатые когнитивными отрывки текста источника или источников (в зависимости от того, сколько материала доступно для сравнения). Связующей нитью между ценностями личности и ценностями общества и эпохи выступают духовные традиции [4]. В своей работе «О трагическом чувстве жизни» М. де Унамуну писал: «*Spiritual traditions and sources live in people; drama originates in modern dramatic life. It is the people who bring a fresh, reviving stream into the theater*» [2, с. 165] («В народе живы духовные традиции и источники; драма берет свое начало в современной драматической жизни. Именно люди вносят в театр свежую, живительную струю». – *пер. наш*). На примере драмы как разновидности художественно-образительного источника М. де Унамуну показал, как интраистория превращает места памяти и художественные произведения в целостный материал для исторического анализа.

Р. Шартье, исследовавший творческое и научное наследие М. де Унамуну, выделил самый обширный по наличию приемов метод интраистории – метод темпорального анализа личности. Человек конкретной эпохи, проживающий в замкнутом консервативном или, наоборот, чрезвычайно развитом социуме, не всегда ощущает время так же, как и его со-

временники. «Внутреннее время» личности движется не только по диалектическим, но и по индивидуально-психологическим законам. Темпоральность исторических представлений включает в себя три уровня: 1) эмпирические представления – впечатления человека, базирующиеся на личном опыте; 2) сензитивные представления – ощущения, чувства, эмоции, переживания и впечатления, а также родовые образы, оценки родителей и соседей, друзей и знакомых, локальные семейные традиции и обычаи; 3) сакральные представления – архетипы, мифологемы, глобальные семейные и национальные традиции, философские смыслы, религиозные или научные воззрения. Так или иначе, Р. Шартье сравнивал все уровни исторических представлений либо с исторической памятью, либо с диахронизмами [5].

Следующие два метода произошли из мир-системной теории. Взяв за основу последовательное разворачивание отношений между автором, произведением и художественным пространством, М. де Унамуну разработал метод внутренней дискретности (интрадискретности), чтобы определить темпы временной перспективы человека из замкнутого локуса [2, с. 202], и метод внутреннего континуета (интраконтинует), который должен был заменить метод наблюдательных пунктов, применяемый исследователем при анализе представлений историков-современников о каком-либо источнике или его авторе [2, с. 204]. В этом ключе раскрывается механизм интраистории как инструмента изучения исторической целостности, непрерывности и идиолектов авторского искусства, прерывности мировоззренческих детерминант в художественном пространстве [6].

В статье «Лаборатория смерти М. де Унамуну» исследователь И. С. Изотова предложила выделить из основных методов интраистории ряд вторичных, призванных определить узкие, локальные связи автора с вехой художественного цикла. Например, метод редукции чувств, обнаруживая ограниченность субъективного познания, нивелирует надстилевой характер творчества автора, давая возможность определить контекстуальные особенности художественно-изобразительного источника [7, с. 170]. Метод редукции времени позволяет частично прийти к пониманию времени автора, чтобы отыскать внутреннюю идею художественно-исторического пространства [7, с. 171]. Метод другого случая (исп. «el otro») направлен на поиск взаимосвязи художественно-исторических циклов [7, с. 172], зеркальный метод – на изучение «отправной точки» создания произведения [7, с. 175].

При анализе архивных источников художественного характера наиболее полезен метод сострадания / сопереживания, выраженный в двух ключевых приемах – катарсисе и катехизисе. Интраисторический катарсис позволяет проследить переживание эмоций и длительных чувств, внутренних конфликтов личности, которые находят отражение в художественном пространстве. Интраисторический катехизис – сравнительный прием, направленный на изучение официального, внешнего и внутреннего состояния источника [7, с. 176].

Подводя итоги, отметим, что интраистория как современный исторический подход перемещается с литературно-филологической статики на диалектическую и индивидуально-психологическую динамику, складывается общий вид и система оценивания авторских концептов и художественных синтагм источников. Если постсоветская историография пыталась выстроить линейный принцип интраистории, обращаясь к диахронии и семиотике (от шедевров одной эпохи к шедеврам другой), то современные историки экспериментируют с анализом ретрансляции старых и новых смыслов как в изложении акторов культуры, так и в понимании личностей «второго плана», не оказавших непосредственного влияния на исторический процесс, но косвенно участвовавших в нем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булыгина Т. А. «Мыслящий мир» истории Ю. М. Лотмана // Диалог со временем. 2007. № 20. С. 14–23.

2. Unamuno M. Selected Works. Vol. 1. Princeton, 2017. 456 p.
3. Булыгина Т. А. С. Лаппо-Данилевский об истории идей и интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 54–62.
4. Гусева Т. К. Социальная эволюция: срастание с народным корнем (интраистория М. де Унамуну) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1. С. 207–211.
5. Булыгина Т. А. Компаративное источниковедение и источниковедческие практики межвузовского НОЦ «Новая локальная история» // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 97–103.
6. Рязанова С. В. Палитра мест памяти о политических репрессиях: монументы и контрмонументы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 152–162.
7. Изотова И. С. «Лаборатория смерти» Мигеля де Унамуну // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 169–176.

REFERENCES

1. Bulygina T.A. "The thinking world" of the history of Yu.M. Lotman. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2007, no. 20, pp. 14–23. (In Russ.).
2. Unamuno M. de. *Selected works. Vol. 1*. Princeton, 2017. 456 p.
3. Bulygina T.A. A.S. Lappo-Danilevskii on the history of ideas and intellectual history. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2014, no. 46, pp. 54–62. (In Russ.).
4. Guseva T.K. Social evolution: fusion with the folk root (intrahistory M. de Unamuno). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Socio-Educational Thought*, 2013, no. 1, pp. 207–211. (In Russ.).
5. Bulygina T.A. Comparative source studies and source studies practices of the interuniversity REC "New local history". *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2013, no. 44, pp. 97–103. (In Russ.).
6. Ryazanova S.V. The palette of memory sites of political repressions: monuments and counter-monuments. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Perm University Herald. History*, 2022, no. 3 (58), pp. 152–162. (In Russ.).
7. Izotova I.S. "Laboratory of death" by Miguel de Unamuno. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2011, no. 8, pp. 169–176. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ПОКАСОВ – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института, Ставрополь, Россия, dereguznp@mail.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА АНУПРИЕНКО – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института, Ставрополь, Россия, anupr2014@yandex.ru

АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ ГОНЧАРОВ – бакалавр педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института, Ставрополь, Россия, raven-moon-34999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3244-8155>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VLADIMIR F. POKASOV – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of the Theory and Methodology of History and Social Studies of the Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, dereguznp@mail.ru

IRINA A. ANUPRIENKO – Candidate of Sciences (History), associate professor at the Department of the Theory and Methodology of History and Social Studies of the Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, anupr2014@yandex.ru

ARTEM S. GONCHAROV – Bachelor of the Pedagogical Faculty of the Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, raven-moon-34999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3244-8155>

Статья поступила 28.01.2023

Научная статья

УДК 140.8

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.011

К вопросу о соотношении сознания и бессознательного в рамках психоаналитической парадигмы

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ШУМАРОВ

Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия,
schum71@yandex.ru

АНГЕЛИНА ЕВГЕНИЕВНА БУХАРОВА

Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия,
angelinky.b@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты соотношения сознания и бессознательного в контексте их влияния на мыслительные и иные процессы человеческой деятельности; анализируются различные подходы и трактовки бессознательного, выстраивающиеся на очевидном приоритете идей родоначальника психоанализа; учитываются отдельные концептуальные построения последователей и критиков З. Фрейда (нео- и постфрейдистов); приводятся примеры воздействия психики на мысли человека, предпринимаемые им действия и решения.

Ключевые слова: сознание; бессознательное; психоанализ; действие; сон; интерпретация.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Для цитирования: Шумаров А. П., Бухарова А. Е. К вопросу о соотношении сознания и бессознательного в рамках психоаналитической парадигмы // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 74–79. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.011.

Original article

On the Issue of Consciousness—the Unconscious Relationship under the Psychoanalytic Paradigm

ALEKSANDR P. SHUMAROV

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Voronezh, Russia, schum71@yandex.ru

ANGELINA E. BUKHAROVA

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Voronezh, Russia, angelinky.b@gmail.com

Abstract. The article examines some aspects of the relationship between consciousness and the unconscious in the context of their influence on mental and other processes of human activity; analyzes various approaches and interpretations of the unconscious, based on the obvious priority of the ideas of the founder of psychoanalysis; takes into account individual conceptual constructions of followers and critics of Z. Freud (neo- and post-Freudian); provides examples of the impact of the psyche on a person's thoughts, actions and decisions.

Key words: consciousness; unconscious; psychoanalysis; action; dream; interpretation.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

For citation: Shumarov A.P., Bukharova A.E. On the issue of consciousness—the unconscious relationship under the psychoanalytic paradigm. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 74–79. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.011.

Проблема соотношения сознания и бессознательного в философии традиционно считается одной из самых трудных и загадочных. В истории философии к ней обращались выдающиеся мыслители, предлагались более или менее обоснованные концепции ее прояснения. Многомерность, многоаспектность и сложность ее решения подтверждает то, что исчерпывающей и завершенной теоретической модели сознания не существует. В какой-то мере постижение сознания происходит постепенно и возможно только в предметно-исследовательском поле многих современных наук, в числе которых психология, социология, физиология высшей нервной деятельности, семиотика, кибернетика, лингвистика, информатика и др. Заметим, что философское решение проблемы соотношения сознания и бессознательного имеет особое значение, поскольку возможный вариант выбора определяет место, значение и особость человека в мире, специфику его взаимодействия с окружающим. Выбор философской концепции сознания затрагивает исходные мировоззренческие и методологические установки любого специально-научного направления и в конечном итоге во многом определяет результативность первоначального замысла. В рамках предлагаемой статьи предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты соотношения сознания и бессознательного в контексте их влияния на мыслительные и иные процессы человеческой жизни и деятельности.

В числе первых соотношение сознания и его производных затронул немецкий философ и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц. Он представил одну из первых концепций бессознательного «как низшей формы духовной деятельности» [1; 2, с. 446]. Немецкий философ отождествлял его с незаметными восприятиями. По мысли ученого, в область подсознания вытесняются все эмоции, фантазии, скрытые желания, которые противоречат общепринятым нормам морали, поведения, нравственности (в определенном смысле это стало предтечей фрейдовского противостояния «Сверх-Я» и «Оно»). Родоначальником термина «сознание» многие считают французского философа Рене Декарта, утверждавшего существование только двух субстанций: мыслящей и телесной [3]. Единственной мыслящей субстанцией, способной на величайшие изобретения и открытия, является исключительно сам человек. Как и позже интроспекционисты, Декарт продвигал мысль о тождестве психики и сознания.

Взрывную для своего времени идею высказал немецкий естествоиспытатель Г. Гельмгольц, полагавший, что восприятие может быть понято как бессознательное умозаключение.

В идеале и в рамках традиционной марксистской парадигмы сознание призвано управлять бессознательным, определять общую стратегию поведения и действий человека, придавать его поступкам и результатам его мыслительных операций социальность, рациональность, целенаправленность, то есть речь идет о безусловной подконтрольности бессознательного сознанию. Именно в традиционной советской философии четко и однозначно прослеживалась демаркация сознания (как феномена, присущего исключительно человеку) и психики (наличествующей у всех живых существ). Грань между этими понятиями обозначил, например, известнейший советский философ А. Г. Спиркин. В поле сознания всегда присутствует цель, а «бессознательное проявляется и основывается на импульсивных действиях» [2, с. 444].

Однако наиболее революционным и прорывным в раскрытии проблемы бессознательного явилось учение австрийского ученого и психиатра Зигмунда Фрейда. Его, как и ряд последовавших за ним учеников, интересовал вопрос о способности человека не только видеть сны и предлагать различные прогнозы, но и определенным, весьма подробным образом их интерпретировать. По результатам исследований психических процессов был сделан вывод о том, что сознание далеко не всегда контролирует направление и ход наших мыслей, а бессознательное – «бесконечно глубокий колодец», который не просвечивается светом разума. Оно способно оказывать гораздо большее влияние на мыслительную и творческую деятельность человека, чем считалось ранее. В произведении «Психология бессознательного» Фрейд подчеркивал, что нет ничего, что не проходило бы и не проходит через сознание [4].

Если до Зигмунда Фрейда бессознательное понималось как остаток (отрывок, осадок) сознания, то для австрийского ученого оно стало особым типом знания, который наличествует внутри субъекта независимо от его осознания. Говоря о предсознании, философ имел в виду неявные знания, которыми человек располагает, но они скрыты от сознания. В результате был сделан вывод о том, что психика шире, чем сознание, так как в ней заложен больший объем информации, касающейся не только скрытых знаний, но и многих рациональных возможностей человека, прежде всего мыслительных. Скрытые знания – психические образования, как сказано ранее, являющиеся неосознанными, и для их воспроизведения в сознании необходимо усилить впечатления, полученные ранее.

Также Фрейд делал акцент на формах бессознательного. Конкретными их проявлениями выступают сновидения, ошибочные действия, описки, оговорки, непроизвольное забывание чего-либо (имен, обещаний, намерений, вещей, дел), невротические симптомы и др. Собственно, последние (невротические симптомы) и послужили толчком к изучению и распространению психоанализа. Представляются весьма любопытными практические примеры, приведенные ученым. Например, оговорки на основании опыта Фрейд считал совершенно не случайными, а отражающими желания и устремления человека. Это родоначальник психоанализа иллюстрировал так: «В одной крупной корпорации председатель собрания по личной причине не хотел проводить заседание и на его открытии произнес: “Разрешите считать наше собрание закрытым”». Фундамент концепции – идея конфликтности человеческой психики [5, с. 253].

Примером ошибочного действия также может послужить следующий случай. Фрейд был еще начинающим свою деятельность врачом, когда у него начали появляться пациенты с психическими расстройствами, травмами, отклонениями. Он ходил по квартирам, консультировал подопечных и старался вылечить тех, кто к нему обращался. Он заметил за собой удивительную особенность: перед некоторыми дверьми он не стучал, а по ошибке доставал ключ от собственной квартиры, а осознав промах, клал ключ обратно в карман. Проанализировав свои действия, психиатр пришел к выводу, что достает ключ «как бы на

автомате». Посещая больных, он ощущал, что «находится будто у себя дома». Фрейд до последнего являлся практикующим врачом и обычно все социальные процессы и явления рассматривал через призму индивидуального страдания [4, с. 254].

В своей лечебной практике психоаналитик старался заставить пациентов вспомнить травматические события, зачастую из далекого прошлого. Затем предполагалось их рациональное осмысление, что должно было привести к успешному излечению [5, с. 253]. Отметим, что гипноз не зарекомендовал себя надежным средством лечения, и это заставило ученого изыскивать новые пути и возможности. В дальнейшем он стал чаще «работать со словом»: пациент должен был выговориться («распахнуть душу»), а врач терпеливо обязан был все выслушать. В этом (терапевтическом применении слова, рассказа), собственно, и состоял психоанализ.

Среди известных работ Фрейда есть труд под названием «Остроумие и его отношение к бессознательному», в котором ученый анализирует связь сновидений и техники остроумия [6, с. 378].

Смена подходов к бессознательному наиболее очевидно прослеживается при переходе от идей основателя психоанализа к концептуальным построениям его последователей (нео- и постфрейдистов). Кое-что из мыслительных конструктов учителя его ученики брали за основу, при этом активно строили собственные теории, модернизировали, дополняли, а некоторые и вовсе не соглашались с основоположником (к примеру, Карл Густав Юнг и др.), пытались отстоять собственную точку зрения. У Юнга доминирующей установкой в понимании бессознательного становится культурологическая составляющая, «опирающаяся на универсальные типы психики и соотношения между ними» [5, с. 254]. В дальнейшей истории психоанализа сложились два ключевых подхода к бессознательному – социологический и лингвистический.

Юнг стал задумываться о процессах, происходящих внутри человека, под влиянием наблюдений за собственной матерью, страдавшей раздвоением личности. Ученый позже сделал вывод о том, что именно сны прошлого помогли ему определиться с тем, чем ему заниматься и кем быть в жизни. В некотором смысле продолжая совершенствовать теорию Фрейда (от личного бессознательного к коллективному), Юнг заключил, что сны «показывают» наше прошлое, настоящее и будущее. Они как бы «проецируют» и предупреждают того или иного человека на своеобразном метафоричном языке о предстоящих испытаниях и событиях.

Один из примеров, который приводил Юнг, связан с лечением онкологического больного. Пациенту, шоферу по профессии, давали для облегчения мескалин – сильное галлюциногенное средство. Проспав несколько часов после принятия лекарства, больной подробно рассказал Юнгу, что во сне принимал участие в пышных похоронах и подробно все описал. Представленная пациентом картина с поразительной точностью совпадала с образом, описанным в «Тибетской книге мертвых». Об этом было известно очень узкому кругу специалистов. Именно сны явились наиболее адекватной формой проявления архетипов.

Процесс проецирования нашей жизни не является чем-то фантастическим, это научно доказанный факт, аргументированный Юнгом в ходе его научной практики. Чтобы правильно толковать и объяснять сны, надо уметь их «прочитывать». Главная юнговская мысль тесно переплетается с цитатой из книги Германа Гессе: «Никому никогда не снится то, что его не касается» [7, с. 207].

Такие суждения у Юнга появляются после случая, произошедшего с ним в 1944 г. Ученый попал в больницу со сломанной ногой, а позднее перенес инфаркт и, пока находился без сознания, видел определенные видения и яркие образы во сне. Юнг считал, что это состояние на грани жизни и смерти (типичный пример экзистенциальной ситуации) повторя-

лось у бесконечного числа людей в разных веках и эпохах с бесчисленными страданиями и переживаниями. В частности, видения философа представляли собой вид на мир с высоты птичьего полета, определенные фантастические сюжеты, в которых даже упоминался Бог, что довольно нетрадиционно для современной науки. Однако именно «юнговские архетипы» порождают мифы, религии и философские системы. Позже исследователь писал, что во снах он видел продолжение, все возможные силуэты, души умерших, которые задавали ему вопросы. Юнг их внимательнейшим образом интерпретировал и проецировал на жизнь пациентов. Следует отметить, что современные представления о соотношении сознания и бессознательного как строятся на традиционных психоаналитических взглядах, так и дополняются новыми, иногда весьма парадоксальными и даже противоположными идеями [8]. Бессознательное отличается от сознания, прежде всего, тем, что отражаемое первым в значительной мере сливается с переживаниями субъекта, его отношением к реальности, поэтому в нем невозможен произвольный контроль осуществляемых личностью действий и оценка их результатов.

Таким образом, вопрос о соотношении сознания и бессознательного продолжает оставаться открытым и постоянно актуальным в науке и философии. В работах Фрейда, Юнга, их последователей (К. Хорни, А. Адлера, Э. Фромма, Ж. Лакана и др.) доказывается, что бессознательное в значительной мере само может управлять поступками, действиями (зачастую на автоматическом уровне). Сновидения, фантазии, грезы, мечты способны в значительной мере подвинуть человека на новые свершения и открытия, разработкой чего, собственно, и занимаются в современных условиях специалисты по когнитивной науке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме / пер. П. С. Юшкевича. М., 1936. 484 с.
2. Спиркин А. Г. Философия : учебник для бакалавров. М., 2012. 828 с.
3. Декарт Р. Правила для руководства ума / пер. с лат. В. И. Пикова ; ред. и вступ. статья И. К. Луппола. М., 1936. 172 с.
4. Фрейд З. Психология бессознательного / пер. с нем. Г. В. Барышниковой. М., 2007. 605 с.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 2. 634 с.
6. Фрейд З. Малое собрание сочинений / пер. с нем. Р. Додельцева, О. Медем, Я. Когана. СПб., 2016. 608 с.
7. Гессе Г. Демиян / пер. с нем. С. Апта. М., 2018. 220 с.
8. Руднев В. П. К новой теории бессознательного // Гуманитарные науки: теория и методология. 2010. № 3. С. 94–99.

REFERENCES

1. Leibniz G.W. *Novye opyty o chelovecheskom razume* [New experiments on the human mind]. Translated by Yushkevich P.S. Moscow, 1936. 484 p.
2. Spirkin A.G. *Filosofiya: uchebnyk dlya bakalavrov* [Philosophy: textbook for bachelors]. Moscow, 2012. 828 p.
3. Descartes R. *Pravila dlya rukovodstva uma* [Rules for the guidance of the mind]. Translated by Pikov V.I. Moscow, 1936. 172 p.
4. Freud Z. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Translated by Baryshnikova G.V. Moscow, 2007. 605 p.
5. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 2.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes]. Moscow, 2010. 634 p.
6. Freud Z. *Maloe sobranie sochinenii* [Small collection of works]. Translated by Dodel'tsev R., Medem O., Kogan Ya. Saint Petersburg., 2016. 608 p.
7. Hesse H. *Demian* [Demian]. Translated by Apt S. Moscow, 2018. 220 p.
8. Rudnev V.P. Towards a new theory of the unconscious. *Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya = Humanities: Theory and Methodology*, 2010, no. 3, pp. 94–99. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ШУМАРОВ – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и финансово-правовых дисциплин юридического факультета Воронежского института ФСИН России, Воронеж, Россия, schum71@yandex.ru

АНГЕЛИНА ЕВГЕНИЕВНА БУХАРОВА – курсант 3 курса юридического факультета Воронежского института ФСИН России, Воронеж, Россия, angelinky.b@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ALEKSANDR P. SHUMAROV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Social-Humanitarian and Financial-Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, schum71@yandex.ru

ANGELINA E. BUKHAROVA – 3rd year cadet of the Faculty of Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, angelinky.b@gmail.com

Статья поступила 07.02.2023

Научная статья

УДК 13

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.012

Проблема духовной безопасности современного общества

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, oboturova@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется актуальная для современного социально-гуманитарного знания проблема. Духовная безопасность общества рассматривается как система условий сохранения его базовых духовно-нравственных принципов и ценностей, определяющих возможность реализации адекватной им личностной идентичности. По мнению автора, духовное и нравственное обновление приобретает особую значимость в контексте внешних и внутренних угроз духовной безопасности современного российского общества. Основной внешней угрозой представляется абсолютизация утвердившихся в западном обществе и активно распространяемых во всем мире ценностей либертаризма, гедонизма и консьюмеризма как стремления к неограниченной индивидуальной свободе и потреблению. В качестве альтернативы этим установкам рассматриваются традиционные духовно-нравственные ценности и позитивная духовность личности, понимаемая как фундаментальное качество, выражающее многомерность бытия человека и проявляющееся в его стремлении к сверхиндивидуальным ценностям.

Ключевые слова: глобализация; традиция; ценности; нравственность; духовность; духовная безопасность.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Оботурова Н. С. Проблема духовной безопасности современного общества // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 80–86. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.012.

Original article

The Problem of Spiritual Security of Modern Society

NATAL'YA S. OBOTUROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru

Abstract. The article analyzes an actual problem for modern socio-humanitarian knowledge. Spiritual security of society is considered as a system of conditions to preserve its basic spiritual and moral principles and values that determine the possibility of realizing an adequate personal identity. According to the author, spiritual and moral renewal acquires special significance in the context of external and internal threats

to spiritual security of modern Russian society. The main external threat seems to be the absolutization of values of libertarianism, hedonism and consumerism, which have become established in Western society and are actively spread throughout the world, as a desire for unlimited individual freedom and consumption. As an alternative to these attitudes, traditional spiritual and moral values and positive spirituality of the individual are considered, understood as a fundamental quality expressing the multidimensionality of human existence and manifested in his desire for super-individual values.

Key words: globalization; tradition; values; morality; spirituality; spiritual security.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Oboturova N.S. The problem of spiritual security of modern society. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 80–86. doi: 10.46741/sjjournal.2023.8.1.012.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что духовная безопасность современного российского общества, являющаяся важнейшим элементом системы национальной безопасности, сегодня оказывается подвержена различным разрушительным влияниям, возникающим вследствие нестабильности общества, кризиса его экономических и духовных начал. К числу конкретных внутренних и внешних угроз духовной безопасности относятся социокультурный раскол, утрата значительной частью людей традиционных нравственных ценностей и ориентиров, а также попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций через глобальную вестернизацию. По мнению современных исследователей, опасность глобализации заключается в том, что «реконструируя матрицу поведения современного человека, она настойчиво предлагает целым народам, а в конечном итоге и всему человечеству единый, чуждый большинству людей набор стандартов и норм, размывающий образ уникального культурного пространства, призванный консолидировать социальное сообщество» [1, с. 18]. Обращение к проблемам духовной безопасности, анализ места и роли духовности в современном социокультурном пространстве российского общества представляются теоретически значимыми, так как в современном научно-исследовательском дискурсе понятие духовной безопасности находится в процессе концептуализации. Исследование различных ее аспектов осуществлено в работах Ю. Г. Волкова, В. П. Даниленко, А. Г. Здравомыслова, А. А. Зиновьева, Б. В. Межуева, Н. А. Нарочницкой, А. И. Осипова, А. С. Панарина, А. В. Тонконогова и др. Целью данной статьи является дальнейшее развитие представлений о духовной безопасности современного российского общества, анализ основных направлений ее обеспечения на уровне личности, государства и общества в контексте современных внешних и внутренних угроз.

Исследование различных аспектов духовной безопасности, осуществляемое сегодня представителями многих научных направлений, позволяет рассматривать ее как междисциплинарное понятие, дефинируемое в качестве системы условий сохранения духовно-нравственных принципов и ценностей, соответствующих традиционным правилам и нормам данного социума и определяющих возможность реализации адекватной его социокультурным ценностям личностной идентичности. Духовная безопасность обеспечивается и реализуется на уровне личности, общества и государства и подразумевает «наличие в социальном пространстве некоторых условий, гарантирующих человеку и обществу безопасное существование и свободу функциональной активности его духовных и нравственных начал» [2, с. 14]. Духовная безопасность общества включает в себя в качестве основных подвидов идеологическую, информационную, религиозную, образовательную, научную безопасность, единство которых обеспечивается, в первую очередь, теми культурными нормами и ценностями, в рамках которых происходит функционирование всей

социализационной системы. Особую значимость духовная безопасность приобретает в современном, подверженном радикальным изменениям мире, в контексте внешних и внутренних угроз, для противостояния которым человеку и обществу необходимы не только интеллектуальные и материальные ресурсы, но и «духовный и нравственный апгрейд» [2, с. 14].

Основную внешнюю угрозу духовной безопасности современной России представляет внедрение и культивирование чуждых национальному менталитету ценностей. Таковыми, по мнению современных исследователей, являются утвердившиеся в западном обществе и активно распространяемые его идеологами на весь мир либертаризм как требование неограниченной свободы, гедонизм и консьюмеризм как стремление к удовольствиям и неограниченному потреблению [3, с. 18]. Так, западный либертаризм, перешагнув нравственные нормы, превратился в культ вседозволенности, тождество человеческих страстей и пороков и в этом смысле представляет собой угрозу духовной безопасности. То, что на предшествующих этапах общественного развития однозначно считалось грехом и безнравственностью, например ЛГБТ-пропаганда, раскачивание традиционной семьи, узаконивание однополых браков и т. п., сегодня воспринимается западным сознанием как предмет толерантности. «Никогда еще в истории человечества не было такой эпохи, как сейчас, когда грех не только воспринимается как норма, но рассматривается как идеал, образец для подражания. И этот образец настойчиво рекламируется, пропагандируется, навязывается, демонстративно выставляется напоказ» [4, с. 23–24]. Учитывая, что невозможно и не нужно в информационном, да и любом другом обществе отгораживаться от внешних влияний непреодолимой стеной, предположим, что основой обеспечения духовной безопасности в сфере внешних угроз для нашего общества может быть защита и укрепление духовного суверенитета как совокупности духовных ориентиров, социокультурных ценностей, традиций и норм общественной жизни, позволяющих осуществлять духовную жизнь, сохраняя собственную идентичность, не поддаваясь чуждому внешнему воздействию, но и не отказываясь от культурного взаимодействия.

К внутренним угрозам духовной безопасности современного российского общества относятся социокультурный раскол, слабость социализационной системы и различные проявления деструктивной духовности, непосредственно влияющие на защищенность личности. Социокультурный раскол, основной причиной которого, с точки зрения многих авторов, является существующее в российском обществе колоссальное социальное неравенство, проявляется в утрате общих духовно-нравственных ориентиров, культурных смыслов, единой национально-культурной идентичности народов России. Сегодня в контексте исследования проблем национального самосознания, разработки концепта «русский мир» все чаще высказывается мысль о необходимости идеологизации российского социокультурного пространства как главном условии преодоления социокультурного раскола, обеспечения интеграции. Однако, учитывая наш собственный исторический опыт и конституционное закрепление идеологического плюрализма как важного демократического принципа, отметим, что проблема идеологизации общественной жизни требует серьезного теоретического осмысления и с точки зрения ее допустимых пределов, за которыми начинается тоталитаризм, и в разрезе ее возможных в рамках закона форм.

Не менее опасной внутренней угрозой с позиции стратегических последствий являются институциональный кризис и неэффективность социализационной системы общества, что проявляется, прежде всего, в кризисе таких базовых, традиционных для нашего общества социальных институтов, как семья и образование. О кризисе семьи свидетельствуют изменения в традиционной брачной мотивации, переоценка ряда брачных запретов и ограничений, смена семейной занятости женщины на общественную активность, либера-

лизация доброго сексуального поведения, установка на непрочность семейных уз, стабильно высокий уровень разводов и абортов в российском обществе. Кризис образования проявляется в одновременном существовании на протяжении длительного времени в нашей стране двух образовательных векторов (традиционного российского (специалитет, аспирантура, докторантура) и западноевропейского (бакалавриат, магистратура) с непонятными с точки зрения профессионализации переходами с одной ступени на другую), перманентном реформировании образования, а также исключении из образовательных стандартов значительной доли базовых мировоззренческих дисциплин (так, несколько лет назад из образовательных стандартов высшего образования была исключена история России), утрате образованием своей воспитательной, человекообразующей функции, сведении его роли к предоставлению образовательных услуг.

Внутреннюю угрозу духовной безопасности современного российского общества представляют и проявления деструктивной духовности, объектом которых является личность [5]. Распространение цифровых технологий и информационной культуры в глобализирующемся мире, в котором люди оказываются «в особой ситуации многомерной реальности с ее постмодернистским уклоном в сторону культуры потребления и виртуальной симуляции активной жизни в социальных сетях и компьютерных играх» [2, с. 6], привело к обострению этого аспекта проблемы духовной безопасности. Люди, постоянно находящиеся в виртуальном мире, постепенно утрачивают связь с миром реальности и попадают в компьютерную зависимость, которая может на начальных этапах проявляться как навязчивая потребность в использовании интернет-ресурсов, а впоследствии приводить к дезадаптации, уходу в себя и даже психологическим расстройствам в форме раздражимости, агрессии и апатии, а в крайних случаях и к серьезным психическим отклонениям, таким как эмоциональная неустойчивость и заторможенность сознания.

Не меньшую угрозу духовной безопасности представляют размывание в виртуальном пространстве традиционных идентификационных границ и принципов, утрата значимости привычных точек идентичности, таких как пол, возраст, статус, и постепенное смещение идентификационных акцентов на открытую виртуальную проектность современного человека. Подмена в сетевом пространстве реальной личности вымышленной виртуальной в виде логинов, никнеймов, ID и т. п. таит в себе «возможность утраты участником сетевого пространства своей личностной целостности, идентичности, погружение в неопределенность, что приводит к превращению его из активного субъекта познания и деятельности в пассивного анонимного безответственного объекта управления и манипуляции» [6, с. 23]. Опасность такой ситуации состоит в том, что «под угрозой оказывается само существование личности» [4, с. 19] как целостной духовной характеристики человека.

Роль и значение духовности как неотъемлемого свойства личности сегодня признается не только религией, но и наукой. Духовность трактуется ими как высший уровень свободного развития личности, определяемый стремлением к сверхиндивидуальным ценностям. Разница в том, что религия считает источником этих ценностей Абсолют, в науке же их происхождение связывается с «духовным производством» самого общества. Сближение позиций проявляется в том, что и наукой, и религией духовность сегодня понимается «как фундаментальное, основополагающее качество человека, стремление личности к высшему началу, как выход за пределы замкнутого феноменального мира, как неотъемлемое имманентное богатство и многомерность бытия человека» [7, с. 132]. Духовность, по мнению В. Н. Поруса, неотделима от свободы, являющейся ее необходимым условием, и понимание духовности как «потенциала личностной свободы, реализуемого по отношению к универсальным культурным ценностям» [8, с. 36], позволяет выявить ее положительный или негативный смысл, который проявляется во взаимоотношении личности и культуры.

В обеспечении духовной безопасности общества ключевую роль играет позитивная духовность человека, которая содействует ее стабильности, поддерживает ее ценностную структуру. Духовность негативная, протестная, расшатывающая эту структуру, наоборот, является «антикультурной», деструктивной. Особую значимость проблема духовной безопасности современного общества приобретает применительно к молодежи, так как последняя является основой социального будущего, источником общественного развития. Отсутствие «четких идеологических ориентиров, неопределенность, незащищенность, фрагментарность, нестабильность бытия человека» [4, с. 13], с одной стороны, и навязчивость всепроникающих СМИ, культивирующего разнузданное, безудержное потребительство, распространение деструктивных культов и сект, с другой, приводят к дезориентации молодежи, а попытки выстроить свою идентичность, ориентируясь только на западный «потребительский рай», не только оказываются малореалистичными и недостижимыми, но и ставят под угрозу нашу духовную безопасность.

Анализ актуальных внешних и внутренних угроз позволяет подойти к определению эффективных направлений и средств обеспечения духовной безопасности современного российского общества. С нашей точки зрения, искомым средством выступает, прежде всего, последовательная государственная политика в сфере духовной безопасности, обеспечивающая защиту традиционных ценностей, возвращение к полноценному историческому самосознанию народа, без которого невозможно формирование гражданственности, патриотизма, ответственности за судьбу Отечества. Отметим, что значимые шаги в этом направлении предпринимаются. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р была принята «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2015 года», в которой зафиксировано, что духовное и нравственное воспитание подрастающих поколений должно основываться на традиционных российских ценностях, которые способствуют развитию у детей и молодежи таких нравственных чувств, как честь, долг, справедливость, милосердие и дружелюбие. Эта идея получила дальнейшее развитие в тексте обновленной Конституции Российской Федерации, ст. 67.1 которой закрепила статус подрастающего поколения как одного из главных приоритетов государственной политики, в отношении которого государство обязано обеспечить необходимые условия для развития не только интеллектуальных и физических качеств, но и духовности, нравственности.

Сегодня необходимость сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей как основы национальной идентичности и духовной безопасности осознается как государственная задача, свидетельством чего явился Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В п. 5 разд. 1 этого документа речь идет о традиционных ценностях, к которым отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Таким образом, основным направлением обеспечения духовной безопасности современного российского общества от внешних и внутренних угроз должно стать достижение согласованности государственной политики и деятельности всей социализационной системы, направленной на реализацию духовного суверенитета страны на основе признания приоритета базовых ценностей, универсальных для большей части общества и выступающих в качестве специфических духовных медиаторов, устанавливающих связь между

прошлым, настоящим и будущим. Решающая роль в этом процессе принадлежит традиционным духовно-нравственным ценностям как основе национальной идентичности, сохранение которой является единственно возможной альтернативой внешним и внутренним деструктивным влияниям, возникающим вследствие нестабильности мира, кризиса его экономических и духовных начал, усиления геополитического противостояния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агафонов Е. А. Патриотизм как ценностный компонент правосознания в эпоху глобализации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2022. № 5 (20). С. 18–26. doi: 10.46741/2713-2811.2022.20.5.001.
2. Сулейманова Р. Р. Духовная безопасность российской молодежи: философско-культурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2023. 162 с.
3. Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // *Вопросы философии*. 2005. № 11. С. 3–23.
4. Осипов А. И. Православие и духовная безопасность. Минск, 2012. 224 с.
5. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // *Вопросы философии*. 2009. № 3. С. 19–32.
6. Оботурова Н. С., Гонцова О. В. Влияние цифровых трансформаций идентичности на правосознание современной молодежи // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2021. № 5 (15). С. 19–23.
7. Оботурова Н. С., Чирков А. М., Ковалев С. В. Метaparadigma духовности в методологии юридической психологии // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2019. Т. 13, № 1. С. 127–135.
8. Порус В. Н. Духовность и свобода // *Вопросы философии*. 2022. № 9. С. 36–46.

REFERENCES

1. Agafonov E.A. Patriotism as a valuable component of legal consciousness in the era of globalization. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2022, no. 5 (20), pp. 18–26. doi: 10.46741/2713-2811.2022.20.5.001.
2. Suleimanova R.R. *Dukhovnaya bezopasnost' rossiiskoi molodezhi: filosofsko-kul'turologicheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Spiritual security of Russian youth: philosophical and cultural analysis: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Saransk, 2023. 162 p.
3. Fedotova V.G. Factors of value changes in the West and in Russia. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2005, no. 11, pp. 3–23. (In Russ.).
4. Osipov A.I. *Pravoslavie i dukhovnaya bezopasnost'* [Orthodoxy and spiritual security]. Minsk, 2012. 224 p.
5. Gurevich P.S. Human deanthropologization phenomenon. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2009, no. 3, pp. 19–32. (In Russ.).
6. Oboturova N.S., Gontsova O.V. Impact of digital identity transformations on legal consciousness of modern youth. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 19–23. (In Russ.).
7. Oboturova N.S., Chirkov A.M., Kovalev S.V. Metaparadigma of spirituality in the methodology of legal psychology. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 127–135. (In Russ.).
8. Porus V.N. Spirituality and freedom. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2022, no. 9, pp. 36–46. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oboturova@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NATAL'YA S. OBOTUROVA – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru

Статья поступила 08.02.2023